

Городок в миниатюре или большое село? Остатки прежней роскоши или начало блестящего будущего? Провинциальные задворки или новый культурный центр? На эти вопросы и отвечает наш путешеводитель. Совместив его чтение с реальным путешествием, вы сами увидите те перспективы, которые так ярко обозначились для древнего села сегодня. Вятское — яркий пример селения, созданного инициативой местных жителей, заметьте, инициативой свободных людей. Нам хорошо известно, что колесо истории редко вращается вхолостую, то создавая, то разрушая. Как в диалектике, новый виток — на новом уровне. Для Вятского пришла пора «собирать камни». Но, наверное, этого не произошло, если бы на счастливый случай. И опять частная инициатива стала фундаментом строительства будущего Вятского. В 2006 году пересеклись судьбы Олега Алексеевича Жарова, доктора экономических наук, профессора, руководителя группы компаний «Эколайн» и старинного русского села Вятское. Эти места очаровали Олега Алексеевича и покорили его сердце. Реализация грандиозного инвестиционного проекта, разработанного им, поможет привлечь российских и иностранных туристов в эти места, поддержать интерес к богатой истории и культуре села, «которое хотело стать городом».

Вятское

Ярославль

История села Вятское 4

Музей русской предприимчивости	
Музыка времени.....	24
Сельское хозяйство и промыслы	53
Вятские- огурцы хватские	60
Кузнечное дело	61
Аптека	63
Бакалея	65
Растениеводство	68
Животноводство.....	76
Вятские изразцы и печи.....	78
Товар счет любит	82
Вятская школа и ее знаменитые выпускники	85

На улицах села.....	97
Не гаснет лампада веры старообрядческой	103
Возрождение православных святынь	107
Сельский лабаз	119
Архитектура	132
Торговая площадь и гостиницы	143
Вдохновение красок.....	157

У волостного правления

Село Вятское расположено на реке Ухтоме. Первое упоминание о нем летописи сохранили под 1502 годом. На начало XX века в Вятском насчитывалось 160 дворов и 840 жителей. Было в селе две церкви XVIII века, волостное правление с начальной школой, народное училище второй ступени, построенное в 1908 году, бесплатная народная библиотека, земская больница, две богадельни. Вятское — богатое торговое село, где с середины XIX века и до революции 1917 года проводились знаменитые еженедельные базары. Жители села и крестьяне окрестных деревень привозили сюда в большом количестве огурцы, капусту, лен, рожь, картофель, кроме этого торговали холстом, деревянной посудой, гончарными и плетеными изделиями.

В селе и близлежащих деревнях разводили племенной и молочный скот. Но особенно славилось Вятское промышленным огородничеством, чему немало способствовали ростовские переселенцы-огородники.

По приблизительным расчетам на 1920-е годы число занимающихся огуречным промыслом доходило до 700 человек, которые ежегодно собирали до 30 млн. штук знаменитого «вятского овоща».

Крестный ход. Урлов посад

Воспитатели и воспитанники детского приюта. Нач. XX в.

Свежие огурчики продавали на местных базарах, однако большую часть вывозили в столицы и северные города. Были случаи отправки соленых огурцов за границу, например, в Швецию. Отправлялись огурцы в дальнюю дорогу через железнодорожные станции Пучково и Пуяттино, где вятский товар ждали вагоны, нанятые скупщиками. По воспоминаниям старожилов один из скупщиков огурцов, уроженец Вологды, Рюмин получил золотую медаль за отличное качество соленых огурцов 25-летней давности.

Мужское население Вятского на летний период уходило на заработки в столицы, особенно в Петербург. Традиционными были строи-

М. Ширкин с сыном. Нач. XX в.

М. Е. Давыдов, отходник, кровельщик. 1902

тельные специальности, характерные для Даниловского уезда: печники, кровельщики, лепщики. Ремесло передавалось по наследству. Так мужчины семьи Ширкиных были печниками, также как и мужчины семьи Солодовниковых, а представители семейства Давыдовых — кровельщиками. Обучались мастерству в артелях, уходя еще мальчиками, лет в одиннадцать. Артели обычно создавались богатыми односельчанами, которые нередко выступали подрядчиками.

Отходники имели большой достаток в устройстве домов, в домашней

обстановке, одежде и пище. «Дома устроены у промышленников крепче и красивее снаружи, внутри оштукатурены, чисты и прибраны, нередко обставлены красивой и ценной мебелью, пища сытная, одежда и обувь не редко, а в большинстве щегольская...» Отход части населения был своеобразным предохранительным клапаном, спасавшим деревню от избытка рабочих рук.

Характер отхода определял и внешний вид села Вятское: большое количество каменных домов, каменные церкви, мощные улицы, торговые ряды — придавали

Семья Ширкиных. Нач. XX в.

У дома купца Савельева

ему «вид городка». Уже в 1846 году в Вятском было «более пятидесяти каменных домов довольно хорошей архитектуры» (для сравнения: в этом же году в городе Данилове было всего 23 каменных и 427 деревянных дома).

Среди жителей числились и представители купеческого сословия. Кто постоянно жил с семьями в селе, а многие только заглядывали на малую родину, постоянно проживая в Петербурге.

Отличительной чертой Вятских базаров была организация выставок крупного рогатого скота. «Выставка прошла очень оживленно. Животных было выведено более 200 голов. Преобладали быки,

76 штук. Весь скот был очень хорош и производил выгодное впечатление своей однородностью. Денежных наград было выдано более 500 руб., а также много похвальных листов, серебряных и бронзовых медалей... Продано скота с выставки более чем на 200 руб. с хорошей ценой».

Сообщения местных корреспондентов о Вятских базарах удивительно созвучны описанию «сельской ярмонки» в поэме «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова:

*Пришли на площадь странники
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?*

В. Поддубилов

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗМАЙЛОВСКІЙ ПР. № 15/20.
ТЕЛЕФ. № 599-63.

*Помимо склада винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофные лавочек,
Трех постоянных дворикув
Да «ренского погреба»
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
По конной потолкались,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры,
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом...*

Исследователи творчества Некрасова предлагают разные прототипы села Кузьминского из знаменитой поэмы. Один из литературоведов, С. В. Смирнов считает, что в поэме описано село Вятское.

С Вятским связана и одна из страниц революционного движения — народничества. Один из видных деятелей хождения в народ Иванчин-Писарев вел пропаганду в своем имени. Была открыта школа для обучения крестьянских детей, артельная столярная мастерская, в которой тоже велась революционная пропаганда. В гости приезжал и будущий член исполнительного комитета партии «Народная воля» Ни-

Пашков с учениками Высшего начального училища. Нач. XX в.

колай Морозов. Беседы с крестьянами на общественные темы заводились при каждом удобном случае. «На лугу перед усадьбой были выстроены различные качели и карусели, вместе с приспособлениями для гимнастических упражнений и даже домашней музыкой. Благодаря таким приманкам каждое воскресенье собиралась в Потапове вся деревенская молодежь из окрестностей, человек до пятисот и более. Везде кругом пели песни, водили хороводы...» Настоящей пропаганды здесь избегали, но такие сборища служили прекрасным способом для завязывания знакомств, и потому потаповская колония пропагандистов ими особенно дорожила.

Одна из самых малоизученных страниц жизни села — это события июня 1919 года. Годом раньше центром антибольшевистского выступления стал Ярославль, недовольство докатилось и до села. В Даниловском уезде обстановка обострилась, когда был объявлен переучет конского состава, повозок и упряжи для нужд Красной Армии с 1 по 20 июня 1919 года.

Выступлениями крестьян против мероприятий советской власти руководили бывшие офицеры царской армии братья Константин и Дмитрий Озеровы и Георгий Андреевич Пашков, учитель Вятской школы. Им удалось привлечь на свою

Высылка кулаков. 1928

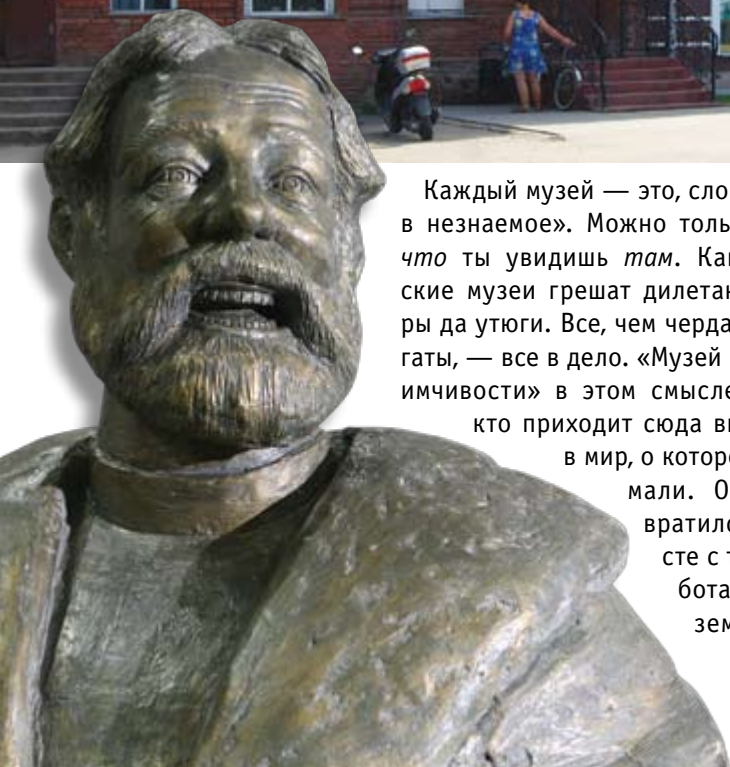
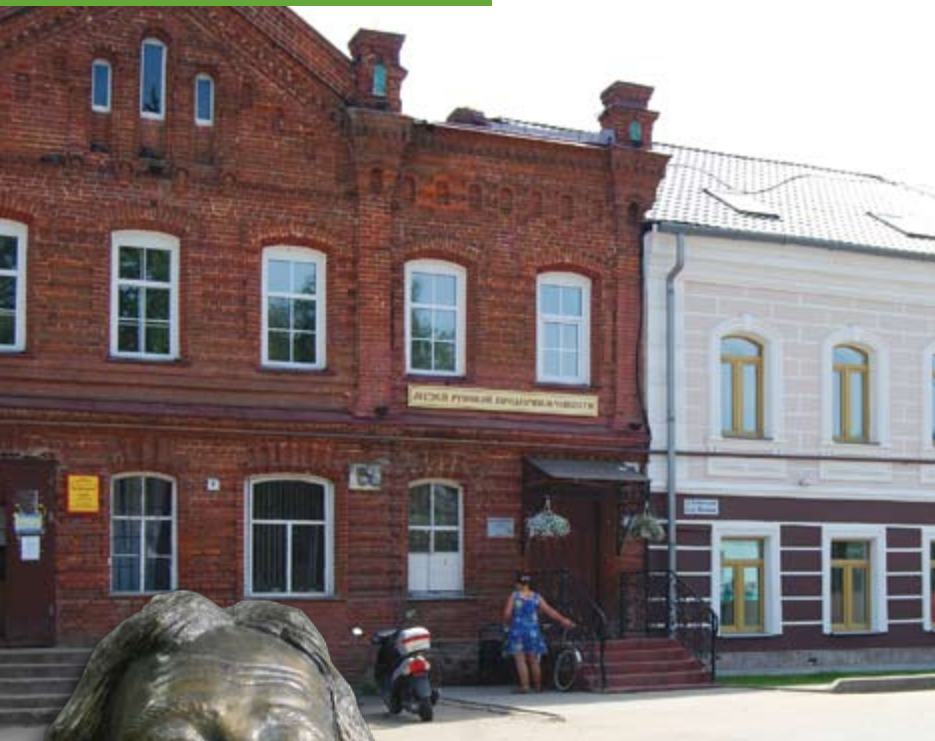
сторону значительную часть сельской молодежи, подлежащей призыву в Красную армию. В Даниловском и Любимском уездах и граничащих с ними уездах Костромской губернии было сосредоточено около 8 000 бело-зеленых, и это была настоящая армия. Из воспоминаний красноармейца: «На штабе висит красно-зеленый флаг. Имеются штампы и печать этой армии. Винтовки большей частью русские и итальянские... Живут они в бивуаках; день и ночь горят костры... Банда эта состоит из 5 рот, в каждой роте по 127 человек, имеются команды: разведчиков, велосипедистов, пулеметная, нестроевая, в которую входит околоток с фла-

гом Красного креста и маленькая парикмахерская. Командный состав называется так, как в николаевское время. Когда я спросил крестьян — дезертиров, чего они хотят, они сказали, что хотят Учредительное собрание». К концу июля 1919 года основные военные операции в Даниловском и Любимском уездах закончились. Отряды бело-зеленых рассеялись. Окончательно же ликвидированы они были весной 1920 года. Григорий Пашков погиб. Братья Озеровы бежали. Дмитрий Озеров был пойман и расстрелян в 1925 году; судьба его брата Константина неизвестна.

Фот. В.Н.
Косошвин.

Каждый музей — это, словами поэта, «езда в незнаемое». Можно только предполагать, *что* ты увидишь *там*. Как правило, сельские музеи грешат дилетантизмом: самовары да утюги. Все, чем чердаки и подвалы богаты, — все в дело. «Музей русской предприимчивости» в этом смысле разочарует. Те, кто приходит сюда впервые попадают в мир, о котором никогда не думали. Он растаял, превратился в туман вместе с теми, кто жил, работал, любил на этой земле. Как краси-

во, изысканно, изящно жили наши предки! Каким трудолюбием они обладали! Иначе этот музей можно было бы назвать «Неизвестная Россия или Россия, которой нет». Но, обо всем по порядку.

Открываешь двери музея — звенит колокольчик. Как камертон. Он словно предупреждает: надо настраиваться на особую волну, ту, что уносит в прошлое. Высокая лестница ведет на второй этаж. Аптека Натана Лейтина размещалась в этом историческом здании: на первом — вели торговлю, на втором, как правило, — располагались жилые покои. Большое светлое помещение, высокие потолки, просторно. Первое впечатление — как много интересных и неизвестных предметов!

Е. А. Кокунова, учительница высшего начального училища

Солодовниковы. Отходники из Вятского.
С-Петербург. Нач. XX в.

Голодухины. Отходники из Вятского. Нач. XX в.

В первом зале, сходу, встречает посетителей хозяин этой земли — расторопный русский мужичок. Сразу видно — крестьянин, добротный, немного лукавый, с аккуратной бородкой. Тутаевский скульптор Всеволод Алаев слепил символический образ, в нем сконцентрировались черты тысяч вятских крестьян, тех, что построили замечательной красоты село, тех, что вывели сермяжную Россию на путь народного предпринимательства.

А вот уже не символы, а реальные люди. Уроженка Вятского, крестьянка Кокунова, учительница мест-

ного училища, девушка привлекательная во всех отношениях. Жаль, что столь мало портретов той поры дошли до нашего времени.

Семья Солодовниковых. Чувствуется в людях и стать, и характер, и жизненный опыт поколений. Другие портреты попали в музейный зал даже без имен. Кто эти люди, чем занимались, кто из родственников сегодня проживает на земле предков или жестокое время рассеяло потомков крепких хозяйственников по миру? Загадка! Возможно, и она будет разгадана. Когда? С одним лишь трудно спорить, эти люди не напрасно жили, не напрасно трудились.

1-я набережная. Одноэтажное здание справа — кузница Петряева

Иван Кузьмин — плотник. Кузьма Иванов — кузнец. Эти фотографии соседствуют, пересекались ли эти реальные люди в реальной жизни? Опять же неизвестно. Но доподлинно установлено, что шесть из семи кузниц села Вятского принадлежали Александру Яковлевичу Петряеву. Одна из кузниц этого мастера в наши дни сменила профиль, теперь в здании бывшей кузницы устроена купель.

Водосток. Кто в наше время обращает внимание на такие мелочи. А лет, эдак, сто назад такая деталь экстерьера здания могла стать художественным произведением. Увенчанный витиеватой короной, обыкновенный сборщик воды и весь дом поднимает на иную ступеньку красоты.

*Печник
И. Я. Зиновьев
с другом.
Кон. XIX —
нач. XX в.*

Тут уместно сказать о том, что свои таланты и природный вкус вятские крестьяне, обучившиеся ремеслу, не только не закапывали в землю, они несли это богатство туда, где оно в данный момент могло не только пригодиться, но и расцвести, подняться до настоящего искусства.

Штукатуры, лепщики, печники, кровельщики, позолотчики — они шли от скудной земли на заработки в столицы. В народе такие назывались «отходники». Отхожий промысел давал неплохие деньги, возможность содержать семью, а в перспективе и все выйти в хозяев жизни — занять свое дело.

Эти неизвестные, безымянные крестьяне строили Петербург, украшали его лепниной, да такой, что и в Версале не сыщешь.

Зародившись в виде малярного и штукатурного, лепной промысел редко выделялся в самостоятельный вид отхожего ремесла. Однако сами мастера называли и рекламировали себя как специалистов «по лепным работам и штукатурным». Крестьяне 43 селений Ярослав-

ской губернии участвовали в строительстве московских монастырей, казенного и дворцового приказов. Развитие строительного отхода связано с созданием новой столицы — Санкт-Петербурга. Строительство «города на Неве» вызвало невиданную потребность в рабочей силе. Известны указы Петра I и распоряжения князя Александра Меншикова о переводе в Санкт-Петербург каменщиков. В Петербурге в течение многих лет работали беглые крестьяне из ярославских помещичьих вотчин, выполняя в столице «всякую государеву работу» на строительстве каналов города и даже при дворце. Позже это уже были крестьяне, отпущенные помещиками на заработки. Вятские лепщики участвовали в строительстве губернского города. Фасады административных и общественных зданий Ярославля в стиле провинциального классицизма украшали русты, лопатки, наличники, выполненные в кирпиче и отштукатуренные. Встречается в постройках того времени и лепнина.

Потомственный лепщик Александр Кузьмич Сакулин из Вятского окончил Строгановское худо-

Фрагмент экспозиции, посвященной
П. Телушкину

жественно-промышленное училище в Москве. Он в начале XX века работал в Санкт-Петербурге. Сакулин украшал лепной интерьер гостиницы «Бристоль», реставрировал лепнину в интерьере присутственных мест в Ярославле, оформлял павильоны Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

Но самой большой высоты, во всех смыслах этого слова, достиг «первопроходец промышленного альпинизма» Петр Телушкин. «Небесному кровельщику», как его прозвали современники, посвящен целый раздел экспозиции музея. Слава вятского крестьянина была поистине всероссийской. « Кто не знает Телушкина, сметливости и смелости его, удивившей в свое время весь

белый свет?» — писал о нем Владимир Иванович Даль. Петр Михайлович выполнил в одиночку работу, которую не взялись сделать иностранные компании. На 60-саженной высоте «поправил», то есть починил поврежденного ураганом ангела на шпиле Петропавловского собора, с помощью одной только веревки. Толпы петербуржцев с замиранием сердца смотрели на его работу, академик Оленев, наблюдавший за Телушкиным, подробно зарисовал весь процесс. На знаменитой картине «Парад на Марсовом поле» среди знаменитых современников изображен и вятский крестьянин. В народе до сих пор живет легенда, что Телушкин получил право на бесплатную чарку во всех казенных ка-

Парад на Марсовом поле. Худ. Г. Г. Чернецов

баках. Несмываемое клеймо на правой стороне подбородка давало это право, отсюда и пошло знаменитое русское приглашение выпить. Но это только легенда.

На лавочке пристроился чемодан отходника. Ему около ста лет.

Такие чемоданчики хранили нехитрый скарб мастера, в инстру-

ментах числилось то, что в работе пригодится. Этот чемодан любят открывать посетители, как будто надеются увидеть там какие-то чудеса. Чудеса на самом деле — рядом. Это лепные украшения дома Понизовкиных. Настоящие произведения

искусства можно встретить и на деревенской улице. Те, кто в Вятском впервые, могут и рот открыть. Как, какими судьбами это великолепие оказалось в столь отдаленном от столиц месте? Ответ тоже рядом. Крестьяне — отходники, заработав капитал, возвращались домой, насмотревшись на роскошь да с мастерством в руках — могли и горы свернуть. Вот почему на тихих улочках Вятского стоят особняки, искусно отделанные лепниной.

И если жители села позволяли себе невиданное щегольство в отделке жилища, то себя украсить, сам бог велел. Часы с цепочкой были у каждого крестьянина. Серебряные шатлены (цепочки) сверкали, рождая местные частушки:

*« Я стояла у поленницы, у дров,
По угору едет Саша Королёв.
Отчего далеко взвидела?
От часов цепочка свитела.
У цепочки светлы кончики
Присылают мне поклончики».*

Коллекция часового мастера Фомина знакомит посетителей музея с разными образцами этого искусства.

Здание добровольной пожарной дружины

В витрине, привлекающей всеобщий интерес, не только любопытные экземпляры «брегетов», но и инструменты часовых дел мастера.

В конце XIX века на общероссийской волне создания пожарных дружин добровольная команда ог-

неборцев была создана и в Вятском. Здание депо с нижним каменным этажом — для телег пожарного обоза, и верхним — деревянным, до сих пор украшает торговую площадь села. О том, что дело пожаротушения было поставлено долж-

Участники самодельного ансамбля военно-служащих Данилова. 1909

ным образом, говорят сохранившиеся фотографии. Да и инструменты тоже. При пожарной дружине был создан любительский оркестр. За каждым оркестрантом — отдельная биография, но вместе они были действенной помощью односельчанам. Сейчас это уже кажется символическим, что пожарная дружина создала свой музыкальный коллектив. При тушении пожара, также как и в оркестре, каждый ведет свою партию: одни подают воду, другие работают в очаге бедствия. И каждый зависит от товарища. Только вместе они «звучат».

Каски пожарных и сегодня начищены до блеска, а пожарные насосы и прочее оборудование и сегодня готово к тушению пожаров.

А что это? Кажется, нечто похожее мы видели в фильмах о гангстерах и ковбойских салунах. Издалека видно, что иностранка, да и явно современница братьев Люмьер. Да это же касса, только очень пожилая. Трудно представить, но она посланец XIX века. Последнее место работы —

Елисеевский гастроном. При выдаче чека чудесный раритет звенит, сообщая неведомому хозяину об очередной покупке. Ее ровесниц и последовательниц в Вятском немало.

Этот изящный предмет, вполне возможно, служил переносным набором для вина. Сегодня нам кажется, что столь хрупкие предметы нельзя брать на пикник, но тогда еще не было одноразовой посуды, а посему придумывались вот такие ухищрения: переносной сундучок для хрустала.

Табельные часы — для нас это тоже загадка. Знатки часового дела назвали бы механизм регистрирующим хронографом. Одним из самых старых приборов этого рода были часы англичанина Уайтсхорста из Дерби, сделанные в 1750 году. Принцип заключался в том, что вместе с часовой стрелкой вращался диск со штифтами. Ударник при пуске отбивал показа-

ние времени на бумаге. Первые опыты с печатающими хронографами, безусловно, привели к созданию табельных часов, приоритет в их изобретении (1894 год) приписывается американцу Куперу. Для чего они могли сгодиться вятским сельским капиталистам? Ответ прост: чтобы учитывать рабочее время. Сейчас этот славный регистратор рабочего времени действует, и все, кто приходит в залы музея, испытывают настоящий восторг, знакомясь с ним.

Страшно звучит название этого предмета, без которого любой «портной по металлу» вряд ли справится с простейшей задачей. Это гильотина или ножницы гильотинные. Материал для этих ножниц весьма тверд, он отличается и длиной, и толщиной, поэтому и средства рабо-

ты с ним были самыми разными в зависимости от целей. Гильотинные ножницы стационарно закреплены, по сути это станок, несмотря на возраст — работающий. Хоть сейчас режь стальные прутья и металлический прокат.

А этот пресс служит для выпрямления и сгибания деталей, как и все прессы в мире. Ни один ремонт, и ни одно производство без него не обходилось раньше, не обходится и теперь. Принцип действия достаточно прост: в основе конструкции находится станина и шток, который приводит в действие физическая сила человека в сочетании с рычагом. Тяжелый маховик толкает поршень, и вот, пожалуйста, — результат. Пресс замечателен тем, что, несмотря на преклонный возраст, даст фору любому юнцу.

Работал в XIX веке, столь же работоспособен и сейчас.

А этот экспонат музея по-своему уникален, потому что он отсылает нас ко временам революционного изобретения XIX века — паровой

Фонограф

машине. Сверлильный станок приводит в движение прабабушка всех современных двигателей.

МУЗЫКА ВРЕМЕНИ

Отдельная тема — это звукопроизводящие устройства. Был или мог быть фонограф Эдисона в этих местах — вопрос риторический. Но на выставке он присутствует, становясь центром притяжения всеобщего внимания. Пионер звукозаписи сохранил для потомков голоса государственных деятелей и великих писателей, знаменитых певцов и канувших в лету музыкальных коллективов. Бисмарк, Энрико Карузо, Лев Толстой. Если бы не иголка, скользящая по фольге, никогда бы наши современники не услы-

шали прорывающийся сквозь время голос создателя «Войны и мира».

Принцип работы фонографа прост как все гениальное. Звук записывается на носителе в форме дорожки, глубина которой пропорциональна громкости звука: чем сильнее звук, тем глубже след. Звуковая дорожка фонографа размещается по цилиндрической спирали на сменном вращающемся барабане. При воспроизведении игла, бегущая по канавке, передает колебания на упругую мембрану, которая и излучает звук. В течение сорока лет Эдисон усовершенствовал свое изобретение, логическим продолжением которого стали грамофон, а позже и патефон, и магнитофон, и т. д. до бесконечности.

Простая детская песенка « У Мэри был

барашек» удостоилась чести быть первой записанной на новый аппарат. Публичная демонстрация прибора сразу сделала Эдисона знаменитым. Многим воспроизведение звука показалось волшебством, поэтому некоторые окрестили Эдисона «волшебником из Менло Парк». Сам Эдисон был настолько поражен открытием, что сказал: «Никогда я еще не был так ошеломлен в моей жизни. Я всегда боялся вещей, которые работают с первого раза». Изобретение было также продемонстрировано в Белом доме и во Французской Академии. С тех пор прошло больше ста лет, а фонограф работает. Тот, что с любопытством разглядывают посетители вятского музея, вышел в свет в серии 1903 года.

Технологии записи звука со временем совершенствовались. И только с изобретением дисковых фонографов — грамофонов технология стала популярной и востребованной, а изобретение пошло в массы. Дисковые фонографы вращались со скоростью 78 оборотов в минуту, звук усиливался при по-

мощи рупора конической формы — классической трубы. Большинство моделей приводились в движение ручкой, которая заводила пружину. И сейчас достаточно покрутить деревянную ручку, как слегка потрескивая, польется музыка. Варя Панина, Леонид Собинов, а может, и Федор Шаляпин, голос «с песочком». И это была революция! В музее эту теплую кампанию легко представить.

Граммофон был изобретен раньше фонографа, его отец французский музыкант и поэт Шарль Кро послал в Парижскую академию наук описание прибора, названного им «палеофоном» — «голосом прошлого». В этом варианте прикрепленная к мембране игла прочерчивает на вращающемся стеклянном диске, покрытом сажей, звуковые дорожки. При этом игла колеблется в горизонтальной плоскости, в то время, как у фонографа она перемещается в вертикальном направлении. После записи звука дорожки оптическим путем переносятся на светочувствительную хромовую пластинку. Идеи француза-неудачника развили и реализовал Эмиль Берлинер. Полученная фотохимическим способом цинковая пластинка, по которой заскользила соединенная с мембраной игла, запе-

ла самым наилучшим образом. И 26 сентября 1887 года Берлинер запатентовал устройство, назвав его граммофоном. Эбонитовые пластинки штамповались при помощи стальной печатной матрицы.

А вскоре дорогой эбонит был заменен дешевым шеллаком. Это был фантастический прорыв в утверждении принципов взаимоотношения поставщиков и потребителей массовой культуры: дешевизна, крупнотиражность и материальная заинтересованность исполнителей.

Начался граммофонно-патефонный бум. Аппараты производились для всех слоев населения. Роскошные граммофоны изготавливали из красного дерева и обильно инкрустировали, а рупоры делали из чистого серебра. Были и более демократичные. Конструкторы изощрялись, предлагая покупателям патефоны на все случаи жизни: для салонов, для пикников, для морских путешествий, для многолюдных балов. Делали даже крошечные проигрывающие аппараты, умещающиеся в кармане.

Наверняка, в Вятское захаживали и «носители музыкальной культуры» — шарманщики. Старик с расписным ящиком, с мальчиком и обезьянкой. Вокруг толпа ребятишек, хозяйки, случайно оказавшиеся рядом — эту картинку мы извлека-

ем не из собственного житейского опыта, а из увиденных когда-то кинофильмов. Размеренно вращается ручка, а из волшебного ящика, дребезжа, раздаются звуки. Вальс это или полька — понять трудно. Все потому, что валики шарманок быстро стирались, а купить новые бедному шарманщику было сложно. Одной из первых пьес, исполненных на этом переносном органчике, была французская песенка «Прекрасная Катрин». От нее и пошло русское название «шарманка».

Ее младшая сестра — музыкальная шкатулка. На музейных витринах несколько представительниц славного племени этих вещиц. Нечто среднее между музыкальным инструментом и сувениром внесло свою лепту в летопись развития звуковоспроизводящих инструментов. Казалось бы, просто забава, но и она была для меломанов радостью прикосновения к искусству

во всех смыслах. Корпуса шкатулок изготавливались из ценных пород древесины и, зачастую, представляли собой настоящие раритеты. Помните замечательную сказку Одоевского «Городок в табакерке». Просто и доступно писатель рассказал механизм рождения музыки. Всего три важные составляющие: металлический цилиндр (валик) со штифтами, заводной механизм и стальная гребенка. При вращении вала штифты, задевая за зубья гребенки, воспроизводили от 4 до восьми мелодий. Такие валики можно было заменять, покупая их в магазине. В некоторых шкатулках мелодия дополнялась перезвоном колокольчиков, что делало довольно однообразное звучание более полным и насыщенным.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЫ

В музее русской предприимчивости история российской деревни сконцентрирована в кратких, но красноречивых вехах ее развития. В экспозиции соседствуют такие сельскохозяйственные приспособления, что современному человеку можно только догадываться об их предназначении.

Вятский край шел тем же путем, что и вся деревня Российской империи. С небольшими поправками на специфику не очень плодородного, но в целом благополучного края. Времена эти мало изучены, немного предметов быта осталось от той поры, еще меньше — письменных свидетельств.

Вот как пишет в своих путевых заметках о пространстве между Москвой и Ярославлем англичанин Ричард Ченслер, путешествовавший в этих краях в XVI веке: «Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них... Земля эта изобилует хлебом, который обладатели возят в громадном количестве в Москву. Утром можно встретить 700–800 саней, везущих хлеб, а некоторые — рыбу».

Тогда волжские территории, ярославские в числе прочих, оставались единственной житницей страны. Опричнина Ивана Грозного, затем события Смутного времени привели эти места к полному разоре-

нию. Только через несколько десятилетий ярославские земли вновь обрели статус хлебного края. Вновь санные караваны везли рожь, овес и ячмень на продажу в столицу, а то и за границу.

Но малоплодородные ярославские земли не оставляли земледельцам надежды получать стабильный и высокий доход. И тогда помещики начали отправлять своих крестьян на заработки в города, часть этих денег крестьяне отдавали в качестве оброка. Так появилось знаменитое отходничество ярославских крестьян. В первой половине XIX века отходничество достигло максимального размаха. В отдельные годы в отходе находилось до 150 тысяч ярославских

Картофелемялки и картофелетерки

крестьян, почти каждый пятый житель губернии. Они работали в основном в Петербурге и Москве, занимались торговлей и трактирным промыслом, были среди них и печники, и кровельщики, и лепщики. И даже переводчики, ярославцы всегда были способны к языкам. Часть заработанных средств крестьяне-отходники после уплаты оброка отправляли своей семье в деревню. Так отходничество делало своеобразные «инвестиции» в сельское хозяйство губернии.

Другая «палочка-выручалочка» — это промыслы на местах. Село Великое и Гаврилов-Ям занимались льноводством. Бурмакино славилось кузнецами, там крестьяне изготавливали металлические части кон-

ской упряжи, замки, ключи, петли. Часть готовой продукции закупало военное ведомство для русской армии, что гарантировало крестьянам постоянный заработок.

Крестьяне Пошехонского уезда зарабатывали на жизнь рубкой леса, получением дегтя, изготовлением деревянной посуды, саней, сбором дубовой коры, а также заготовкой и вывозом дров на продажу в города. В Сереновской волости Ярославского уезда существовал гробовой промысел. Крестьяне работали на гробовые лавки Ярославля. В Норской и Толгобольской волостях крестьяне клеили коробки и гильзы для спичечной и табачной фабрик Дунаева в Ярославле.

Встреча нового 1913 года

А в Диево-Городищенской и Путятинской волостях 250 дворов плели корзины.

Село Вятское и многие другие деревни в округе выращивали картофель. Этим же славились крестьяне в Ростовском и Угличском уездах. Здесь было множество небольших крахмало-паточных заводиков. Крупнейшим заводом стал со временем завод фирмы «Никиты Понизовкина сыновья». Картофелемял-

ки и картофелетерки напоминают о том времени, когда производство картофеля было поставлено на промышленные рельсы.

В 80-е годы XIX века Понизовкины покупали у местных крестьян около 150 тысяч четвертей картофеля. Чтобы не тратить деньги на перевоз такого количества клубней они построили несколько картофелетерочных заводов (в Рыбницах, Песках и Новодашкове), откуда мука поступала на паточные заводы. К началу XX века сумма ежегодной выработки на заводах превысила 1,5 млн. рублей, более половины этой суммы давали паточные заводы. Все выработанные товары сбывались исключительно в России, что составляло предмет гордости торгового дома Понизовкиных.

Замок Понизовкина. Нач. XX в.

Волжский паточный завод Понизовкина

В Даниловском уезде крестьяне продавали картофель в клубнях. Здесь паточные заведения имели в своем составе трудоемкое и энергоемкое терочное производство. По этой причине они были крупнее аналогичных ростовских заводов. Конструкция и мощность терки во многом определяли уровень развития и производительность паточных заводов. В Даниловском уезде уже в конце 1850-х годах на заводе купца Понизовкина была установлена паровая терка. В 1853 году на каждое паточное заведение в Ростовском уезде в среднем приходилось по 3,2 рабочих, в Даниловском уезде — по 17 рабочих. В 1862 году сумма выработки на одно предприятие в Даниловском уезде превысила аналогич-

ный показатель в Ростовском уезде почти в 10 раз, а в 1888 году — в 20 раз. В конце 1860-х — начале 1870-х годов были закрыты 6 картофельно-паточных заводов в Ростовском уезде, в основном мелкие заведения. Во всех предприятиях, прекративших производство, наблюдался до их закрытия спад выработки продукции, длившийся от 5 до 10 лет. Такой упадок в паточном производстве Ростовского уезда видимо последовал из-за невозможности конкуренции с крупнейшим производителем патоки в губернии — торговым домом «Н. Понизовкина сыновья», который был учрежден в 1868 году, одновременно с постройкой крупнейшего Волжского паточно-химического завода.

ВЯТСКИЕ — ОГУРЦЫ ХВАТСКИЕ

Крестьяне Даниловского уезда, в особенности Вятской волости, с появлением железной дороги до Вологды и Архангельска активно занялись «огуречным промыслом». Чуть ли не каждая семья села ежегодно по два-три фунта огуречных семян (1 фунт — примерно 400 г). Вятские огурцы были выносливы к дальней дороге и на севере не знали конкурентов. Крестьяне продавали перекупщикам огурцы по цене 1 рубль за 1000 штук, а в Вологде перекупщик продавал их уже втрое дороже. Львиная доля прибыли оставалась у перекупщиков, но и крестьянская семья имела за сезон до 400 рублей прибыли (для сравнения заметим, что рабочий-текстильщик получал на фабрике в Ярославле около 15 рублей в месяц).

Огуречным промыслом занимались обычно женщины. Суще-

вала своя технология выращивания рассады в 5–6 дней: замачивали семена и ставили на печку, в тепло, затем брали лотки или доски, насыпали перегной, рассыпали поштучно зерна, прикрывали землей или лопухами и тряпкой, и снова ставили в тепло на печку. Через ночь появлялись ростки, иногда снимали лотки и ставили их к свету. Один-два дня и крепкую рассаду вывозили в поле прямо на досках или в лотках.

Широкому развитию огуречного промысла в окрестностях села Вятского способствовали благоприятные для огурцов почвенные условия в данной местности — черноземное пятно. Как указывает путеводитель по Ярославской губернии 1859 года: «Чернозем Ярославской губернии по наружному виду не отличается от степного, но требует удобрения и считается вообще посредственной почвой для озимого и ярового хлеба; но, как огородная земля, чернозем пользуется предпочтением пред всеми другими почвами». Неслучайно, разведение огурцов в этом районе для крестьян служило не только подсобным промыслом, а для многих являлось единственным средством существования.

Для разведения огурцов обычно выбирали низины и легкие склоны к югу или востоку, или ровные, слегка сыроватые места, но не возвышенности, чтобы почва никогда не была сухой. Семена чаще все-

Вятские погреба

го получали в собственных хозяйствах. Наиболее распространенные сорта огурцов: муромский, вязниковский и аксельский. Но издавна выработался и местный, устойчивый и выносливый, сорт. Попыткой освободиться от произвола скупщиков явилось учреждение в 1913 году огуречной артели, которая была в то время единственной в России

Сбыт огурцов, обычно в сыром виде, производили на местных базарах, но большую часть все-таки вывозили. Только в 1906 году из Вятской волости было вывезено около 8190 т огурцов. В XXI веке вятские огурцы заняли достойную нишу в продвижении бренда Вятского как исторического села. Сегодня их выращивают по старинным дедовским рецептам, солят в бочках, бочки держат в реке. При постоянной температуре огурчики

не портятся, радуют и характерным хрустом, и плотностью, и засолом. Жители Вятского считают, что вода местных источников также благотворно влияет на отменные качества знаменитых огурцов. Бочки и багры в экспозиции музея — свидетели и участники процесса консервирования огурцов и способа извлечения деревянных сосудов из реки.

КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО

Горн и кованая утварь — совсем немного напоминает о былом расцвете кузнечного дела. А ведь еще в XIX веке в большом селе Вятское постукивали молотками по наковальням несколько мастеров. Кузницы обычно располагались ближе к окраинам не только из-за боязни пожаров, но и потому, наверное, что фигура властителя огня издревле была окутана не только ды-

мом, но и тайной. Профессия связывалась с волшебством и даже с суеверным ужасом. «На Руси, — пишет академик Б. А. Рыбаков, — народ окружил кузнецов множеством легенд и поверий, называя их: кузнец-колдун, «хитрец». Кузнец не только мог выковать плуг или меч, но и врачевать болезни, устраивать свадьбы, ворожить, отгонять нечистую силу

от деревни. В эпических сказаниях именно кузнец является победителем дракона — Змея Горыныча, которого он приковывает за язык».

Традиционные орудия труда: лемехи и серпы, косы и мотыги, лопаты и ножи, наконечники для стрел и багров, крючки для рыболовства, остроги и топоры — дело рук кузнечного братства. От домашних ножниц и сковородки до пряжек и колечек — все умели делать эти мастера.

Кроме знаний кузнецу нужна была физическая сила: во-первых, раздувать меха, которых обычно было два, во-вторых, сам инструмент-молот — вещь тяжелая, а поднять его надо было множество раз за день. Как любая специализированная мастерская, кузница имела необходимый набор оборудования: наковальни, молотки, молоты, зубила и бородки. К горну прилага-

лась специальная лопатка для угля, а также кочерга и прыскалка — мочалка для смачивания угля водой.

На старых домах Вятского нетнет, да и встретишь замок, щеколду, дверную ручку, скованную явно лет сто или двести назад. А самые древние строения сохранили в своем экстерьере целые кованые двери, наверняка, их работал местный мастер. Для оформления восстановленных зданий уже в наши дни тоже применяются кованые элементы декора. Как и подобает, вводятся эти металлические кружева деликатно и к месту.

АПТЕКА

Витрина с миниатюрными пузырьками отсылает нас к тем временам, когда в этом здании находилась аптека. Само ее расположение не в городе, а в сельской местности тоже является показателем особого статуса Вятского и зажиточности его граждан, ведь лекарства стоили дорого, и не всем настои, мази и порошки были по карману. Как выглядело помещение аптеки, мы можем только догадываться и воспроизвести в своем воображении нечто аналогичное. Каждая аптека в конце XIX — начале XX века обязана была иметь рецептурную и кладовку, лабораторию, «кокторию», комнату-дежурную, кабинет управляющего, сушильную для хранения растительного сырья, подвал и ледник. Это в идеале, но на самом деле все было и скромнее, и не в таком ассортименте. Небольшие аптеки часто располагались не в отдельном доме, а занимали один этаж строения или вовсе располагались в личной квартире управляющего, поэтому состав их часто ограничивался лишь самыми необходимыми комнатами для производства лекарств.

Посетители получали лекарства в рецептурной комнате. Посредине обычно находился рецептурный стол, отделенный конторкой, за которым располагался так называемый рецептариус — старший помощник. На столе помещались весы

для взвешивания веществ. Шкафы с многочисленными ящичками предназначались для хранения готовых лекарственных форм. На полках в алфавитном порядке в сосудах из фарфора, матового стекла или дерева, с отчетливыми латинскими надписями, хранились лекарственные вещества. Здесь же

вежливо держали стулья и скамейки для посетителей.

В «коктории» готовили горячие настои и отвары. Лаборатория должна была иметь вентиляцию, водопровод и печи — здесь готовили лекарства. В кладовой хранились фармацевтические материалы и запасы. Медикаменты хранились в «банках с надписями» (штангласах), отдельно находились шкафы для сильнодействующих веществ, ступок и мен-

Нач. XX в.

зурок. В крупных аптеках часто выписывали современные сочинения и периодические издания по фармации и химии.

Лидерами продаж были настойки и компрессы. А потому, как и в наши дни, велся строгий учет спирта и вина. Но лекарствами ассортимент не заканчивался, в аптеке легко можно было купить детские игрушки, очки, фотоаппараты, кофе, шоколад, пряности, бенгальские огни и фейерверки, а также средства для выведения пятен.

Владелец вятской аптеки Натан Лейтин вошел в историю села, а вот сын Борис — в историю российской литературы как блестящий переводчик с английского. Пузырьки, баночки, мензурки — все настоящие, найдены при ремонте здания, когда-то их просто не успели купить.

БАКАЛЕЯ

Жестяные коробки с яркими боками и через много лет лучатся рекламой — «съешь меня». Товары, мирно почивавшие в этих коробочках, именовались бакалейными. В названии не обошлось без турецкого языка «бак-ал» в переводе звучит, как «гляди и бери». С исключительно сухих фруктов и копченостей имя «бакалея» переключалось на чай и сахар, муку и крупу, пряности и кофе, и прочие съестные штуки.

Любопытно, но преимущественно крестьянское население Вятского в базарные и ярмарочные дни становилось торговцами, причем преимущественно бакалейного ассортимента. По журналу генеральной проверки торговли Вятской волости Даниловского уезда 25 марта — 7 мая 1910 год в селе Вятское насчитывалось 64 торговца, зарегистри-

Торговая площадь. Нач. XX в.

стрированных в Вятском волостном правлении. Чем же извоили торговать в базарные дни вятские бакалейщики? Да все те же чай и крендели, табак да колониальные товары.

В 1858 году журнал «Экономический указатель» сообщал: «базары, бывающие в Вятском по четвергам, по количеству народа и товарооборота превышают базары, бывающие в уездном городе Данилове». Далее автор извиняется, что у него нет другой статистики, кроме водочной. «В Вятском есть такой трактир, в котором водки выпивается в один базарный день более, чем на 600 рублей серебром, тогда как в Данилове менее, чем на 400 в семи трактирах». Оставим в стороне полезность самого занятия, но в целом, убеждает. Это яркое свидетельство преимуществ села над городом подтверждалось и другими фактами. Товары в Вятском продавались дешевле и лучшего качества.

Торговля росла и ширилась, об этом свидетельствуют данные Ярославской торгово-промышленной палаты, в 1905 году было в селе Вятское уже семь тракторов. В каждом из них было по два постоянных работника и до восьми по базарам. Работали в селе также четыре пивных лавки. И уже не шесть, а двадцать шесть лавок было в домах! В них производилась торговля мануфактурным, бакалейным, мучным, галантерейным товаром. В доме Телушкиных в лавке продавали готовое платье и крытые меха. Косвенно сам облик многих домов свидетельствует об этом «бакалейном прошлом». Как правило, низ здания, первый этаж, отводился под торговые площади, а сверху располагались жилые покои. Удобно и выгодно! К коммерции тогда относились серьезно, догляд за товаром был денно и ночью.

РАСТЕНИЕВОДСТВО

Льнопроизводство и льнопрядение хорошо были развиты в Вятском крае, как и по всем соседним губерниям. Лен называли «северным шелком», сеяли и на продажу, и для хозяйственных нужд. Обработка льна в то время производилась вручную и была очень трудоемким и долгим процессом.

Растение от льняного полотна отделяло несколько стадий: тербление, молотьба, мятье, трепание, чесание, прядение, мотание, тканье, беление. Названия последовательных действий говорят сами за себя. Для каждого этапа требовались и свои инструменты. Часть из них крестьяне мастерили сами. Более сложные — делались на заказ.

В конце июля — начале августа начиналась льняная страда. Первый раз чесали лен прямо на поле. Головки складывали в кучки, они доспевали на солнышке, на ветру. Потом их молотили на гумне, мочили в воде 2–4 недели, сушили еще месяц. И только в ноябре лен мяти. Топили гумно-рей, снопы выносили на льномялку. Горсть льна, или одно повесмо, — это ровно столько, сколько может захватить рука взрослой женщины. После мятья лен начинали трепать и чесать, и только потом прядь, тут в дело вступали прялка и веретено. Пряла вся женская половина русского народа, вот почему, наверное, во всех этнографических музеях так много этих покорных слушательниц сказок и песен, да и душевных тайн, — резных и расписных прялок.

Всю домашнюю утварь: сундуки и люльки, ларчики и ковши, солоницы и рубели — украшали не только для красоты. В них, если хорошо присмотреться, целый микрокосмос преданий и древних верований народа. Особый разговор — прялки. Это — обязательный подарок жениха — невесте, мужа — жене, отца — дочери. Именно на них, традиционно монументальных, выполненных из единого куска дерева, сохранились в наибольшей чистоте удивительно архаичные орнаменты, истоки которых ведут в глубочайшую седую древность.

Прялка состояла из плоского гребня-лопаски, ножки и плоского основания-донца, вырезанных, как правило, из цельного куска дерева. Во время работы мастерица садилась на донце и скручивала нить на веретено из кудели — волокнистого пучка льна или пеньки, — привязанной к лопаске. Веретено представляло собой конусообразную палочку длиной около 30 см. Для устойчивости на тонкий конец веретена надевалось каменное или керамическое кольцо — пряслице. Пряслице — еще одно доказательство распространенности этого промысла. Они самый богатый урожай археологов, ведь керамика отлично сохраняется в земле.

Ярославские прялки ученые называли «теремковыми» из-за их

особого узора. Форма ярославской прялки хоть и отличается от остальных, но не очень сильно. Они имеют широкую ножку и маленькое завершение — лопасть. Местное название — «копыл корчечный». Ярославские прялки отличаются необычайным изяществом формы изогнутой ножки и легкостью ажурного завершения в виде остроконечного кокошника. Стилизованные изображения коней и птиц на гребне относят нас к очень древней языческой культуре. Верхняя часть ножки занята изображением фасада сказочного терема, в нижних этажах размещаются жанровые сцены: чаепития, пирушки, танцы, а в самом низу, как бы перед теремом, сцены катанья в санях.

Прядение было не таким уж простым занятием, 16 кг кудели опытная пряжа выпрядала за 40 суток непрерывной работы. Пряли обычно все женщины семьи: девочки после семи лет, девушки, женщины и старухи. Прядение начиналось во время Рождественского поста и продолжалось с небольшими перерывами во время святок до Масленицы. Девушки обычно пряли на посиделках, собираясь все вместе в специально нанятой для этой цели избе. На посиделки приходили парни, которые наблюдали за работой девушек. В русской деревне хозяйки, не имевшие дочерей или невесток, обычно раздавали кудель деревенским девушкам. В благодарность за работу хозяйка устраивала девушкам хоро-

шее угощение, на которое они могли привести с собой по одному парню — «захребетнику». По обычаю, распространенному в русских деревнях, прялку девушке должны были подарить ее отец, дед или брат. Свою первую прялку девочка получала в шесть — семь лет, когда мать решила, что дочка «вошла в разум», вышла из младенческого возраста. Волосы, до этого распущенные по плечам, ей заплетали в одну косу, надевали поверх рубахи сарафан, вставляли в уши сережки и вручали прялку. Все это означало, что девочка подросла, стала «ярицей» и ей пора приниматься за обучение главному женскому делу — прядению.

Известный этнограф и собиратель сказок А. Н. Афанасьев писал:

«В славянских сказках сохранились воспоминания о чудесной самопрялке, прядущей чистое золото, о золотых и серебряных нитях, спускающихся с неба. Из этих-то солнечных нитей и приготавливалась та чудесная розовая ткань, застилающая небо, которую называем мы зарею... Розоперстная богиня Заря тянет «рудожелтую» нитку и своей золотой иглой вышивает по небу розовую, кровавую пелену... Потухающая заря заканчивает работу, обрывает рудожелтую нитку, и вместе с тем исчезает с неба ее кровавая пелена».

В славянской традиции «вервь» — община, каждый ее член одна из ее нитей, а в сербо-хорватском «верв-

ник» — и вовсе родственник. В Смоленской губернии еще в конце XIX века существовало поверье, что если девушка во время посиделок незаметно для парня добьется, чтобы он сел на донце ее прялки, то он «сядет с ней и на хозяйство», будет связан узами брака. Знал ли об этом Пушкин — неизвестно, но в зачине «Сказки о царе Салтане, сыне его князе Гвидоне и прекрасной царевне Лебеди» именно «три девицы под окном пряли поздно вечерком». Возможно, три Мойры-пряхи древнегреческих мифов и три пряхи русской народной сказки — это преломление древних как сама жизнь представлений человечества.

Ткацкий станок уже давно перекочевал с чердаков в музейные залы. Кустарным промыслом — изготовлением этих нехитрых агрегатов занимались многие крестьяне, также, как в каждом доме не скучал без работы ткацкий стан, а часто их было несколько, по числу женщин в семье.

Продукцией ткань была новина. Ее отбеливали — «золотили», замачивая в корчаге с кипятком и золой в печке. Для окончательной отбелики холсты расстилали на лугу, смачивая ткань холодной водой. Для ровного цвета и быстрого отбеливания требовалась солнечная и теплая погода.

Кроме гладкой холстины деревенские мастерицы выполняли и ткани с узором. Техника тканья при этом усложнялась. Материалом для ткачества могла служить не только льняная пряжа, но и конопляная, пряжа из овечьей и козьей шерсти. Ее часто окрашивали домашним способом в разные цвета и тогда узорные ткани получались особенно нарядными.

У этого кустарного промысла было мало шансов уцелеть. Уже в конце XIX века крестьяне склонялись к тому, что более выгодно лен продавать на льнопрядильные мануфактуры. Фабричные «миткаль и ситцы если не своей дешевизной, то отчетливостью и чистотою отделки стали сильно конкурировать» с продуктами домашнего ткачества, как сообщали уже в 1880-х годах земские

статистики в документах по исследованию кустарных промыслов.

Тот горизонтальный ткацкий станок, который с небольшими изменениями дошел до наших дней, изобрели еще в XI веке. Его основная часть — большая деревянная рама, на которой укреплены детали станка: три валика, две ножные педали, вертикальные рамки «гребенки» бердо, челнок с нормальной нитью.

Много позже был изобретен механический ткацкий станок. Современные станки работают на электричестве, они стали более сложными и разнообразными. Ручное ткачество — это уже из области искусства. Все, что делается на исконно русском ткацком стане, эксклюзивно, а потому ценно.

«Употребление въ хозяйстве соломы въ резаномъ виде имеетъ огромныя преимущества. Резаную солому скотъ есть охотнее, лучше ее усвоить и не разбрасываетъ. На подстилку солому тоже очень полезно резать, такъ какъ тогда будетъ получаться лучшаго качества навозъ, который легко равномерно разбрасывать по полямъ». Так писали в рекламном буклете о солорезках в XIX веке. Тут же предлагая способы самостоятельного изготовления этого нехитрого оборудования. Любопытно, что и сегодня этот станок используется в хозяйствах, правда, в несколько другом дизайне.

Устройства для резки соломы

ЖИВОТНОВОДСТВО

Испокон веку крестьянин стремился обеспечить свою семью сначала хлебом и молоком, а уж потом «чем бог пошлет». Отсюда и извечная мечта русского народа о «молочных реках, кисельных берегах» — символе сытости и благополучия. Первый же молочный ручеек человек открыл для себя примерно 7–8 тысяч лет назад, о чем свидетельствуют раскопки археологов, предания, легенды, сказки и мифы.

Животноводство в Вятском развивалось успешно. Об этом говорят дипломы различных сельскохозяйственных выставок, где вятские животноводы показали себя с лучшей стороны. Один из любопытных экспонатов музея — это сепаратор. В этой исторической модели используются всеобщие принципы центробежной

силы: частицы примесей имеют большую плотность, чем частицы молока, поэтому и оседают на стенках барабана. После очистки хозяйки немедленно охлаждали молоко до возможно низкой температуры.

Даниловский уезд известен и как родина ярославского племенного скота. Уже в начале XIX века становится известным, что «ярославская корова за свои удоиность и жирномолочность на скотопригонном молочном рынке бывшего Санкт-Петербурга заняла первое место, распространившись среди подгородних крестьян в 40 раз больше, чем холмогорка.» Один из коллективных рассадников был создан в Вятском. В Ярославской губернской племенной книге за 1926 год из 366 коров литеры А (типичный скот) 96 коров, то есть больше всех,

*Сепаратор и другие предметы
крестьянского обихода*

принадлежало крестьянам Вятского сельскохозяйственного товарищества.

В 1957 году при Вятской МТС (машинотракторная станция) впервые в Ярославской области был создан пункт искусственного осеменения коров. Уже в середине 1960-х годов здесь было 305 коров и 5 быков класса элита-рекорд. Племенное стадо Вятского давало больше молока, более высокой жирности, чем соседние хозяйства.

Видное место в музейной экспозиции занимает конская упряжь. Современному человеку из всего этого хозяйства известна, наверное, малая часть предметов, не говоря об умении грамотно это применить. А ведь немногим более ста лет назад лошадь, запряженная в повозку, являлась одним из основных видов транспорта. Еще дольше лошадь продолжала играть доминирующую роль в сельском хозяйстве. А ра-

ботоспособность лошади зависела в большой степени от сбруи, с помощью которой человек управляет своим четвероногим работником. Именно поэтому крестьяне старались сделать упряжь прочной, легкой, простой в изготовлении и ремонте, универсальной для различных видов хозяйственного использования. Всего на Руси использовались три вида упряжи: дуговая, бездуговая и дышловая. В каждой присутствовали уздечка, хомут, седелки, постромки и вожжи.

В 1910 году в Даниловском уезде было проведено три конских выставки, две выставки молочного скота и одна кустарная выставка, устроенная Даниловским отделом МОСХ и Государственным коннозавод-

ством. Награждено было 70 животных (коров, быков), 24 лошади; награды — денежные (от 3 до 50 рублей), похвальные листы, серебряные и бронзовые медали.

ВЯТСКИЕ ИЗРАЗЦЫ И ПЕЧИ

Особые вятские печки. Особые вятские печники. Обо всех печниках на свете рассказывают всякие небылицы: «Вот раз шел печник, и что-то ему не понравилось — не поднесли, что ли, ему, но только с того времени начались в доме всякие неприятности. Стали дознаваться, и один старичок объяснил: «Был ли, — говорит, — у вас печник?»

— «Был». «А может, печник сердитый ушел?»

— «Не заметили, может, и сердитый».

— Печник закладывает под шесток неигранную червонную даму. Она и вредит».

В народе и по сей день считают, что печник, если ему поднесли в доме не довольно вина и пирогом обидели, закладывал в печь аптекарскую склянку, куда наливал ртуть и засыпал иголок. Когда в избе протопилась печь, ртуть в склянке начала елозить и иголки — царапать стенки. Такой шум начинался! Такой зловерный народ эти печники!

Вятские печники были активными деятелями отхода, в числе прочих строительных специальностей они всегда требовались в городах, уходили нарасхват, как горячие пирожки. На родине печники тоже оста-

вили о себе память. Таких красивых печек, как в Вятском, и в столицах немного. В XIX веке изразец для купеческих, да и крестьянских домов везли даже из Финляндии. В доме купцов Кокоскиных на Урловом посаде печек было семь. Цветные изразцы в стиле модерн относятся к началу XX века. Столетние печки и сейчас очень современны, и даже более «креативны», чем те, что делают мастера в наши дни.

Массовое производство «муравленых» изразцов, как правило, покрытых зеленой глазурью, началось в XVI веке в Москве. Но настоящий бум начался чуть позже. Во время путешествия в Голландию Петр Великий зорким взглядом заметил и оценил «кафли» — расписные гладкие изразцы для печей

и каминов, выполненные в манере, напоминающей нашу сегодняшнюю Гжель. Он просто и гениально «внедрил» их в русскую жизнь своим указом, и чиновным ничего не оставалось другого, как немедленно его исполнить. Так зародилось прекрасное русское изразцовое искусство, остатки которого мы сейчас и находим в старых усадьбах. Изразцы легко и естественно вошли в повседневную жизнь русского общества. Оказалось, что теплоотдача от поверхностей изразцов примерно на 10% выше из-за лучистой энергии, а это серьезная экономия топлива.

ТОВАР СЧЕТ ЛЮБИТ

«Коммерция — дело серьезное, а товар счет любит», — так думали вятские жители и заводили в хозяйство самые точные приборы уче-

та. Витрина со счетными машинками и арифмометрами — явное подтверждение этому правилу.

Настольные вычислительные машины — предтечи нынешних калькуляторов и прочих помощников экономистов. И хотя первые экземпляры появились в XVII веке, российской действительности они достигли только в конце XIX. Петербургский механик В. Т. Однер наладил производство русских счетных машин, ставших прототипом последующих моделей арифмометров. В нем есть все, что нужно: механизм для установки и переноса чисел в счетчик, счетчики оборотов и результата, устройство для гашения, ручной или электрический привод. Но, как это обычно и случается, арифмометры сошли со сцены экономических операций и были заменены более совершенными клавишными вычислительными машинами.

Безмены, которые словно стрекозы, облепили стену одного из залов музея, — вещь в крестьянском хозяйстве незаменимая. Историки приписывают изобретение этой системы веса римлянам. Именно жителям этого древнего государства пришлось в голову применить неподвижную точку опоры и привеса при двигающейся гире. Безмен на Руси появляется в XIV веке, в качестве помощника в счете он будет верой и правдой служить россиянам вплоть до XX.

Счетная машинка «Lipsiaddi»
Лейпциг (Германия), 1927 г.

Счетная машинка «Фиделитас»
Самый распространенный в СССР арифмометр.
Выпускался с 1928 по 1978 гг. на заводах счетных машин
в Курск, Гомель и Москва. Эта счетная машинка использовалась
в различных арифмометрах Советов.

The Brical
Money Calculating Machine

The Comptometer
Humboldt

HÖTTE

СЛАВЯНСКАЯ
МАШИНА ДЛЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ

HÖTTE

Арифмометр
"Add Company of Mannheim"
Германия, 1908 год

Калькулятор круглый
«Brical Money Calculating Machine». Англия, 1890-е годы.
Оригинальный футляр, специальная палочка из
слоновой кости, предназначенная для ввода чисел.

Арифмометр
Гонконг, 1900-е годы

«Славянская» расчетная таблица
1907 г. «Славянская» стала в СССР первым
механическим устройством для
исчисления с помощью таблицы.

Более деликатные и более изящные — весы аптекарские и кулинарные. И выглядят они импозантно и работу делают более точную, даже уточненную. «Сколько вешать в граммах?», — это вопрос к тому, кто ими пользуется. Погрешность в весе здесь смерти подобна, не зря ведь говорят, точно как в аптеке.

Весы для аптекарей всегда стояли особняком в ряду весового оборудования. Высокая надежность для аптекарских весов самое главное: их нужно часто мыть, они не должны бояться попадания внутрь посторонних примесей. В эпоху нанотехнологий все эти музейные раритеты давно заменила электроника. Теперь разве что на рынке у бабушек с замороженной картошкой и морковкой мы встретим классиче-

ские равновесные весы с чашками и гирьками. Но мало, кто из нас знает, что современную, наиболее распространенную систему численного ряда для разновесов предложил знаменитый химик Дмитрий Иванович Менделеев. Она обеспечивает минимальное число операций при подборе навески.

ВЯТСКАЯ ШКОЛА И ЕЕ ЗНАМЕНИТЫЕ ВЫПУСКНИКИ

Школьные парты с крышками и дырочками для чернилниц — такие уже не помнят нынешние ученики, разве их бабушки. Но в музее современные школьники могут присесть за парту прошлого века, взять грифельную доску и даже написать на ней, могут пролистать буквари прошлого века, погреметь костяш-

ками — посчитать на счетах, которые еще лет сорок назад стояли в каждом классе. Вятские крестьянские детишки впервые сели за такие школьные столы в 1842 году. И только через десять лет народные училища открылись в двух соседних селах Даниловского уезда.

Вятское училище было трехгодичным, находилось во втором этаже здания волостного управления, стояло на горочке, как раз напротив Воскресенской церкви. Учителем для 30 мальчишек и 12 девочек стал Андрей Дмитриевич Тихомиров, окончивший курс семинарии. С 1865 года училище приобрело статус начальной земской школы с трехгодичным курсом. Альтернативой этому обучению стало церковно-приходское. Училище от-

крылось только через двадцать лет после земского и отличалось меньшим набором учеников, всего около 15 школьников. Оно помещалось в здании Кундышево-Володинской богадельни, имело одну классную комнату и одного преподавателя.

По своим религиозным убеждениям население Вятской волости не было однородным, по данным «Епархиальных ведомостей» за 1885 год, наибольшее количество старообрядцев Даниловского уезда проживало в приходах вятских церквей. И хотя принадлежали они к разным толкам, к образованию старообрядцы относились как к предмету первой необходимости. Некоторые обучали детей в семье по старопечатным книгам. Другие без страха отдава-

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Даниловское Уѣздное Отдѣленіе Ярославскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта снѣ свидѣтельствуетъ, что воспитанница Еремеевской церковно-приходской школы Ярославскаго уѣзда, *дочь крестельница Евсеяста Михайлова Попова* успешно окончила курсъ ученія въ школѣ и на испытаніяхъ, бывшихъ въ мѣсяцъ *маго* 1895 года, обнаружила познанія: по Священной исторіи и Катихизису *статными*, церковно-славянской грамотѣ *хороша*, русскому языку *очень хороша*, ариметикѣ *хороша*, чистописанію *хороша*, въ честь и выдано ей это свидѣтельство.

Проксимоатель Даниловскаго Отдѣленія
Епархіальнаго Училищнаго Совѣта

Проксимоатель М. Васильевъ

Секретарь Совѣта В. Ушаковъ

Члены А. Мисенинъ

Навигаторъ Совѣта М. П. Поповъ

М. П. Поповъ

Секретарь Съѣзда города Данилова Александръ Арсентьевъ

Учителя Вятской школы. Нач. XX в.

ли детей в земские или церковно-приходские школы. Все дети старообрядцев, обучавшиеся в школах наряду с детьми односельчан, изучали Закон Божий и усваивали его не хуже остальных.

Начало XX века отличалось большим интересом к народному чтению. В России в это время открываются тысячи читален. Чаще всего это забота обществ трезвости. В Вятском парадоксально соединились бесплатная народная библиотека и трактир на ее содержание. Первым заведующим стал священник Василий Александрович Смирнов, библиотекарем — дьякон Николай Лаврович Студитский.

В просторном помещении в здании Депо вольной пожарной дружины собирались крестьяне почитать книжки. В доме Глинкина — неподалеку был трактир, принадлежащий совету Вятской бесплатной библиотеки-читальни, вырученные средства шли на содержание источника просвещения.

Вятская школа сегодня

СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Два портрета. Степенные и мудрые лица. Все понимающие глаза. Гордая осанка — люди знают цену жизни, да и в себе — не ошибутся. Купцы Галочкины. Солидное семейство оставило о себе добрую память и множество недвижимости в селе.

Чуть ниже — сундук — в нем целые залежи домотканых и расшитых вручную сорочек и полотенец. Так мы добрались до чудного мира подготовки девушки к замужеству — приданого. Сколько таких сундуков по всей России хранили немислимые богатства: нательное белье, платья, постель, одеяло, столешники-скатерти, полог, простыни, холст, пестрядь, из которых будущая жена и мать должна была обшивать всю семью. Невеста приносила в дом будущего мужа целую гору подарков всей родне. Кроме одежды полагалось дарить «платовья» (узорные полотенца) собственного рукоделия, а также пояса и подарок своему суженому.

В приданом невесты насчитывалось до ста расшитых полотенец, ширинок, столешников. Этими руковорными произведениями сельского искусства украшали дом по праздникам. Всяк входящий, а это были и потенциальные женихи, внимательно приглядывались к рукоделию. Какова искусница им достанется? Подготовка свадебной постели — отдель-

ный разговор. Каждая девушка перед свадьбой должна была сделать еще и шельгу (тряпичный мяч), который был непременным атрибутом обряда «откупа детства» (девушка отдавала шельгу ребятишкам для игр, а во время свадьбы шельгу гоняли от дома невесты к дому жениха).

МИТРОПОЛИТ СИМОН

Сияющие золотым шитьем одежды принадлежат столь же яркому и прославленному уроженцу вятской земли. В родные места после долгих лет разлуки вернулись подлинные вещи одного из самых уважаемых иерархов русской православной церкви — митрополита Симона.

Он родился 5 февраля 1928 года в деревне Жолнино неподалеку от Вятского, а здесь учился в сред-

Митрополит Симон

ней школе. И звали его тогда Се-
режа Новиков. Кто думал тогда,
что за партой сидит будущий бо-
гослов, глава одной из самых дре-
вних епархий — Рязанской. Но дет-
ство крепко в нас сидит, вот и ми-
трополит Симон свою родину не за-
бывал, поддерживал церковь, где
его крестили. Этот храм во имя Вос-
кресения Христова на протяжении
многих лет находился под его по-
печением — владыка поддерживал
его материально, в редкие приезды

на свою малую родину всегда совер-
шал богослужения.

Московская Духовная семинария,
а потом академия — так возрастали
знания, которые, как и особую сер-
дечную душевность, он щедро тра-
тил всю жизнь. За годы пребывания
митрополита Симона на Рязанской
кафедре число приходов в епархии
выросло в четыре раза. Удивитель-
ный дар слова, доброжелательное
отношение к человеку, энциклопе-
дические знания привлекали к нему
множество людей. В Ярославскую
епархию владыка приехал, ког-
да ему исполнилось 75 лет, уже
на покой. Местом своей уединен-
ной жизни митрополит Симон
избрал Николо — Бабаевский
монастырь, также как полтора
века назад святитель Игнатий
Брянчанинов.

НА УЛИЦАХ СЕЛА

Неисповедимы пути Господни, но в Вятской школе, в которой учился будущий митрополит Симон, в то же время училась девочка, эвакуированная из блокадного Ленинграда вместе с детским домом. Звали девочку Алия Молдагулова. Биография ее умещается в несколько строк: «В 1943 году окончила Центральную женскую школу снайперской подготовки. Снайпер 4-го батальона 54-й отдельной стрелковой бригады 2-го Прибалтийского фронта. На ее счету свыше 30 уничтоженных солдат и офицеров противника. Погибла в бою 14 января 1944 года севернее города Новоскольники». Звание героя казахской девушке было присвоено посмертно, в Казахстане поднялись в ее

честь монументы, были организованы музеи. А в 2010 году и в селе Вятское на памятнике воинам, павшим в годы Великой Отечественной войны, установлена мемориальная доска. На ней имена двух Героев Советского Союза — Алии Молдагуловой и уроженца Вятского Сергея Егорова, комиссара Панфиловской дивизии.

Мемориал в честь творцов великой победы и сегодня один из центральных памятников села. Комплекс защитникам страны был восстановлен в 2008 году ко Дню Победы. 9 мая на торжественное открытие памятника собралось все село. Это и не случайно, судьбы его жителей неразрывно связаны с Великой Отечественной: первый выпуск 10-летней Вятской школы

в 1941 году полным составом отправился на фронт. В тяжелейшие годы войны село принимало беженцев западных районов России. В Вятской школе обучалось около 1500 ленинградских детей-блокадников. Местные краеведы провели огромную поисковую работу, поэтому новый список погибших односельчан увеличился на 100 имен и фамилий, и теперь на монументе увековечены 400 жителей Вятского.

Чуть раньше обновленного мемориала воинам-освободителям, 2 мая 2008 года, в селе праздновали тор-

жество исторической справедливости и открывали памятник царю-освободителю. Так в народе называли Александра II. Бюст царю-реформатору впервые был установлен в Вятском в 1911 году, в год 50-летия отмены крепостного права. Изваял самодержца известный скульптор, уроженец здешних мест, Александр Михайлович Опекушин. Фигура царя Александра была знаковой для прогрессивного населения села с его многовековыми предпринимательскими традициями. Реформы 60-х годов XIX века дали жителям здешних мест и личную сво-

А. М. Опекушин

боду, и открыли заманчивые перспективы вольного труда.

Монархическая тема в творчестве создателя памятника Пушкину в Москве занимала огромное место. Самая первая — скульптура Петра I в памятнике «Тысячелетие России» в Новгороде. Совместно с М. О. Микешиним Опекушин участвует в создании памятника Екатерине II в Петербурге. Самостоятельно выполняет памятники императорам Александру II и Александру III в Москве.

Решение о создании памятника Александру II было принято буквально через неделю после гибели царя от разрыва бомбы, брошенной террористом 1 марта 1881 года. Был объявлен конкурс, в котором приняли участие самые известные скульпторы того времени, Опекушин это творческое соревнование

выиграл. Масштаб личности Александра II, трагическая гибель царя-освободителя особенно привлекла скульптора, бывшего крепостного крестьянина. «Мне кажется, — писал Опекушин, — я мог бы вылепить статую покойного Императора закрыв глаза, до такой степени у меня жив в памяти его образ». Торжественное открытие памятника состоялось в 1898 году в Кремле, на плац-парадной площади, напротив Николаевского дворца.

В 1911 году в России готовились торжественно отметить 50-летие отмены крепостного права. Местные земства инициировали вопрос об открытии памятников Царю-освободителю, создавались комитеты по созданию памятников, собирались по подписке средства на памятник. Большим спросом пользо-

Крестный ход на открытии памятника Николаю II

Открытие памятника Александру II

вались скульптуры царя, выполненные А. М. Опекушиным, считавшиеся лучшими. Ввиду большого спроса на памятники А. М. Опекушин продал авторские права на изготовление скульптур для памятника цинко-литейному заводу Э. Новицкого в Петербурге.

После 1917 года бюст царя заменил Карлом Марксом, разместив его на том же постаменте. Жители Вятского всегда были патриотами, они всегда выступали за восстановление утерянного облика родного села. Поэтому к 190-летию со дня рождения императора Александра II точная копия работы А. М. Опекуши-

на, выполненная скульптором Всеволодом Алаевым, заняла свое законное место в центральной части Вятского.

Архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл провел праздничное богослужение в церкви Воскресения и затем освятил памятник императору. Со словами поддержки и благодарности в адрес организаторов выступили мэр Ярославля В. В. Волончунас, глава Некрасовского МР Н. В. Золотников, заслуженный художник России Н. А. Мухин. Праздник завершился фейерверком и выступлением ансамбля «Ярославна».

Молитвенный дом старообрядцев-беспоповцев

НЕ ГАСНЕТ ЛАМПАДА ВЕРЫ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ

Наибольшее количество старообрядцев Даниловского уезда Ярославской губернии, по данным «Епархиальных ведомостей за 1885 год, проживало в Вятской волости. Это был труднодоступный край, хоть и рядом с губернским городом, да болота и глинистые почвы многим отбивали охоту пускаться в путешествие по здешним местам.

Вятские старообрядцы в своей массе были неоднородны, исповедуя разные толки старой веры, они тяготели и к разным центрам. Филипповцы — к Петербургу, поповцы — к Москве, по словам священника села Вятское К. Горицкого, они «по своему учению стоят к право-

славной церкви ближе вследствие более правильной организации и независимости, но относятся к ней холодно и неприязненно, к православным священникам ни с какими требованиями не обращаются».

Центрами религиозной жизни старообрядцев были молитвенные дома и молебни, которые власти запечатывали, а иконы и книги забирали. И это несмотря на то, что 16 августа 1864 года Особый временный комитет по делам раскольников постановил: «...дозволять творить общественную молитву, исполнять требы и совершать богослужения по их обрядам, допускать исправление приходящих в ветхость часовен и других молитвенных зданий». На местах же все было иначе.

Успенский храм, богадельня и дом причта в Елохино. 1908

Трагедией для старообрядцев было непризнание их браков. Даже такие радостные события в жизни человека, как свадьба и крещение ребенка, заканчивались для старообрядцев уголовными делами.

В 1874 году правительство приняло закон о записи старообрядческих браков в полицейских управлениях. Этим законом почти никто из старообрядцев не воспользовался, браки в полицейских метриках считались раскольническими, с чем старообрядцы были не согласны.

17 апреля 1905 года — этот день стал праздником для всей старообрядческой России. В первый день святой Пасхи вышел указ о веротерпимости, а 17 октября 1906 года последовал указ о порядке образования и действия старообрядческих общин. «Общине законом было предоставлено не только как право, но и как обязанность ведение всех

Священноиерей Василий Витушкин и священнодиакон Мартимиан

актов гражданского состояния своих членов». После манифеста о веротерпимости количество старообрядцев в Вятской волости увеличилось почти вдвое. Это еще раз подтверждает мнение, что количество старообрядцев всегда было больше официальной статистики.

В 1908 году стараниями священника отца Василия Витушкина в деревне Елохино был построен каменный храм, учреждена старообрядческая община, устроена богадельня, призревающая до 10 старушек, открыта старообрядческая школа, в которой обучалось до 20 ребятишек.

Вскоре из Москвы пришло постановление: считать Успенско-Николь-

Успенский храм в Елохино

ский храм в Елохино кафедральным собором Ярославско-Костромской епархии. В апреле 1908 года в родной елохинский приход были возвращены мощи владыки Иринарха (Ивана Игнатьевича Лапшина).

Коротким был «золотой век» старообрядчества, когда они свободно могли крестить своих детей, венчать и погребать умерших. Новое социалистическое государство провозгласило безбожие и борьбу с религией частью своей политики. Старообрядческое духовенство, так же как и православное, разделило судьбу своего народа. Два раза высылал

ли за веру отца Виктора Васильевича Витушкина, служившего в старообрядческом храме в Елохино.

Митрополит Московский и Всея Руси Корнилий и губернатор Ярославской области Вахруков на открытии выставки «Старообрядцы в лицах». 2010

Сегодня, как и прежде, на территории Вятского сельской администрации живут старообрядцы, держащиеся белокриницкого священства. Не зарастает и дорога к елохинскому храму Успения Пресвятыя Богородицы. Приход переживает свое второе рождение, не единожды в дни престольных праздников здесь служил глава русской старообрядческой церкви Корнилий.

8 августа 2010 года Митрополит Московский и Всея Руси Корнилий открыл в художественной галерее Вятского фотовыставку «Старообрядцы в лицах». А самыми первы-

ми ее зрителями волей судьбы оказались старообрядцы из далекой Австралии. Путешествуя по своей исторической родине, они завернули и в этот очаг их древней веры. Среди них были и те, кто помнит гонения советского времени, и совсем юное поколение.

Двумя годами ранее глава российского старообрядчества побывал в Елохино на столетии местной церкви. Юбилей храма с богатой историей и непростой судьбой был отмечен праздничным богослужением и крестным ходом.

Воскресенская церковь

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫНЬ

В самом центре села, на живописном возвышении стоит церковь Воскресения Христова. Колокольню этого храма мы видим издалека, с дороги, ведущей в Вятское. В этой церкви органично соединились традиции сельского культового зодчества. Настенные росписи выполнены в XIX веке, сохранился резной иконостас, чугунный пол и церковная утварь. Сейчас в храме имеется и своя святыня — чудотворная икона святителя Пантелеймона с частицей мощей. Образ этот был написан для сельского храма в начале прошлого века. В Греции афонские монахи исполнили его по зака-

зу вятских купцов. В советское время икона святителя Пантелеймона тоже находилась в вятском Воскресенском храме, который оставался открытым и в богоборческие годы. Уже в наши дни в мастерской Толгского монастыря для иконы цели-

Успенская церковь

теля Пантелеймона был сделан резной киот, своеобразный пенал, который защищает ее от внешних воздействий окружающей среды. Тогда в него и была вложена частица мощей целителя Пантелеймона — дар Ярославской епархии. Икона не раз совершала путешествие по ярославской земле, побывав в самых отдаленных храмах.

На другом берегу реки, как зеркальное отражение, — церковь Успения Богородицы. Она построена тридцатью годами позже Воскресенской, в 1780-м году. Заказчи-

ком строительства был местный купец Григорий Кубанин. Усадебный тип храма поражает и своими размерами, и причудливыми барочными формами. Фрагменты темперных росписей на разрушенных стенах храма напоминают о его былом величии. Настоятель этого храма Владимир Михайлович Вятский, был осужден в 1937 году, погиб в заключении. Посмертно реабилитирован, причислен к лику новомучеников и святых в земле российской просиявших.

Летом 2010 года в светлый праздник Успения Пресвятой Богородицы

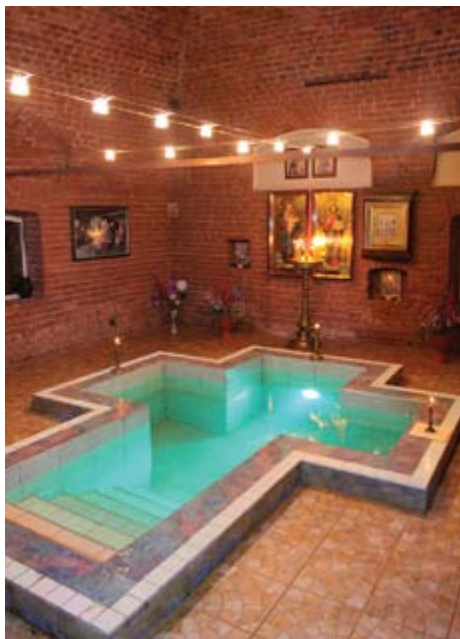

Богоявленская часовня-купель

прошла здесь праздничная служба. Местные жители считают это первым шагом на пути к восстановлению храма. Символом возрождения стала и выставка фресок академика, народного художника России Николая Мухина.

Фреска академика Российской академии художеств украшает и вход в знаменитую Вятскую купель-крестильню. Когда-то здесь располагалась кузница. Мощные стены, сводчатые потолки, массивный кирпич, потрясающая акустика. В центре — подсвеченная бирюзовая вода купели. Как и крещенские иордани она имеет форму креста. В 2008 году сюда пришли первые верующие, было это, конечно же, в крещенскую ночь, когда все воды земли становятся святыми. С тех пор и зимой, и летом сюда идут и едут люди из разных угол-

ков России. В Ярославской области многие стремятся окунуться в иордань, приобщиться к таинству крещения, именно здесь. Прошлое и на-

Скульптурная композиция Божией Матери «Живоносный источник»

стоящее в этих стенах поддерживают друг друга — иконы в купели выполнены в современной технике деколи. Это высокотемпературная печать на керамике отличается особой прочностью изображения, в условиях повышенной влажности это очень важно. Не забудем и о какой-то особенной вятской воде. В прошлом веке местные газеты писали о целебных свойствах Ерехтанского родника, состав его воды по составу близок к лечебным водам Баден-Бадена. В 2010 году крестильня передана Ярославской епархии Русской православной церкви.

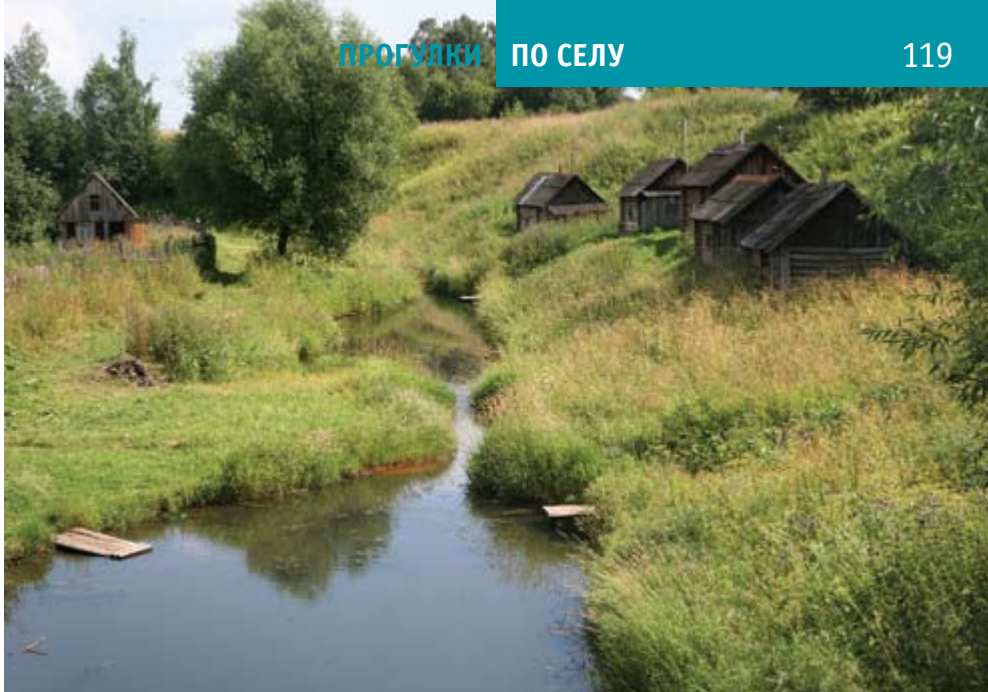
В сентябре 2010 года над водами Ерехтанского источника была открыта скульптурная композиция Божией Матери «Живоносный ис-

точник». Ее автор Николай Мухин, художник очень много сделавший для современного облика и статуса села. Непростое это было открытие. И прежде всего отличалось необычным составом участников. Не в каждое село приезжает президент Российской академии художеств, чтобы перерезать символическую ленточку. А в Вятское Зураб Церетели не только приехал сам, а еще привез Юрия Лаптева, советника президента России по культуре и искусству, и множество уважаемых людей, академиков и лауреатов государственных премий.

Родник, раньше вытекавший из цементной трубы посреди зеленой лужайки, теперь стал центром целой исторической территории.

На другом берегу Ухтомки — деревенская банька, та, что топится по-черному. Музей, разумеется, но с печкой-каменкой, ушатами, ковшиками и веничками.

А на этом берегу неширокой речки в двухэтажном здании отреставрирован целый «кусочек жизни» купеческого прошлого Вятского. Он так и называется «Сельский лабаз».

СЕЛЬСКИЙ ЛАБАЗ

Это неотъемлемая часть бытия почти каждого вятского жителя. Это и склад, и лавка, и жилище в одном флаконе. В XIX веке сохранность урожая — половина успеха хозяйствования. Поэтому используя погреб для хранения сельскохозяй-

ственных продуктов, селяне и продукты берегли, и склад имели: товары были рядом с домом — сторожа не нужны. В больших селах вскладчину строили большие каменные сараи и сносили туда ценные вещи — берегли от пожаров. Это частный случай сельской кооперации.

Дом-музей вятского торгующего крестьянина

В наше время ярославцы, услышавшие о музее или уже побывавшие в нем, предлагают в экспозицию вещи из этой эпохи. Это уже пример «исторической кооперации».

А в обычном доме верхний этаж занимали жилые комнаты. Напомним, что отхожие промыслы много способствовали развитию нездешних вкусов вятских жителей,

потому они изо всех сил старались подражать столичному шику. И это у них получалось! Хотя и бывала в этих местах народная мудрость: «Век живи на стороне, а дом держи по старине». Вятские жители могли многое позволить себе, не скупилась в обстановке, в обзаведении модными патефонами и стильными нарядами, но и бабушкины кружева, подзоры и скатерти тоже не были забыты.

В первом этаже, как правило, устраивали лавку — своеобразный мини-маркет XIX века с суконным, железным, галантерейным, бакалейным и другим товаром. Чаще всего они помещались в домах, нанятых у частных лиц, другие находились в домах собственных или выстроенных от властей, эдакие прообразы муниципальных гастрономов.

Ни одна купеческая лавка не обходилась без услуг «лавочного сидельца» — продавца. Коммерческими делами управлял приказчик, который служил посредником во всех делах между служащими и владельцем. Условия найма хозяином лавки приказчиков и лавочных сидельцев оформлялись письменно. Статья № 686 Торгового устава гласила: «Срок служения приказчиков или лавочных сидельцев, их жалованье или рядная плата, жилище и содержание зависят от взаимного их с хозяевами условия и определяются письменным о найме их договором, при самом приеме заключаемым».

В крупных лавках работал еще и «калькулятор» — специальный счетовод, на которого возлагалась обязанность производить учет сто-

имости товара. В обязанности «корреспондента» входила деловая переписка с лицами и фирмами, находящимися в торговых отношениях с купцом.

Была еще одна категория служащих — «комиссионер», которому поручалось купить или продать товар. Он уплачивал расходы по его перевозке и доставке, а после продажи возмещал себе из выручки все понесенные им издержки. Комиссия взималась в заранее обусловленных процентах от продажной суммы: за зерновые полагалось до полупроцента, колониальные или бакалейные товары — до одного процента, галантерейные и предметы роскоши — до десяти.

В сельском мини-маркете можно было запросто купить самую знаменитую и необходимую в каждом

доме вещь — машинку «Зингер». И хотя сам основатель этой империи и стежка не сделал за всю жизнь, в России имя «Зингер» стало синонимом швейной машинки. В начале XX века в Вятском располагалось представительство знаменитой американской фирмы, которую все считали немецкой. В 1900 году в подмосковном Подольске началось стро-

ительство зингеровского завода, который перед революцией выпускал 600 тысяч машинок в год. Фирма даже получила статус поставщика двора Николая II. В годы Первой мировой войны московское представительство фирмы было разгромлено. В США, которые тоже воевали с немцами, таких проблем не возникало — там «Зингер» давно воспринимался как национальное достояние. В России сама машинка была семейным достоянием, до сих пор стучат эти прабабушкины «Зингеры» и не собираются ломаться. Иногда столешницы машинок с ножным приводом становятся деталями модных интерьеров. Словом, живет «Зингер» не только в музейных залах.

Вятские купцы сильно заботились об имидже своих магазинов, стара-

Урлов посад

лись сделать заведение своей гордостью, но чужой завистью. Вели дело тонко и умело, старались, чтобы из десятков других лавок покупатель заглянул к нему на огонек.

АРХИТЕКТУРА

Можно только позавидовать тем, кто приезжает в Вятское впервые. Как много новых эмоций им предстоит испытать! И прежде всего гордость за великое прошлое России, где в отдаленном селе люди жили так, как и сегодня жить не стыдно.

Вятское не может похвастаться целенаправленностью усилий по сохранности ансамбля села как единого целого. Но надо отдать должное судьбе, что в XX веке здесь не построили гигант первой пятилетки, не взялись менять старое на новое. Как и во многих древних горо-

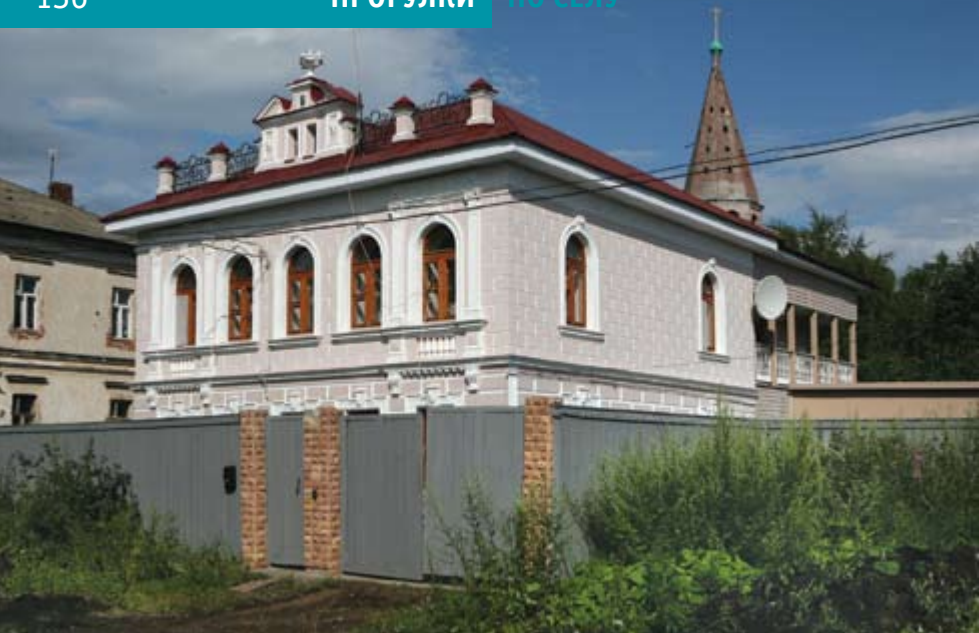
дах и селах отсюда потихоньку уходила активная жизнь, словно консервируя то замечательное в прошлом, что дошло до наших дней. И прежде всего ансамблевый принцип застройки. Он и сегодня читается на улицах древнего села.

Архитектурные изыски Вятского не всегда открыты, иногда их нужно искать, и открываются они только пытливому взгляду. Очень показателен в этом смысле Урлов посад (ныне Первомайская улица). Во-первых, сам принцип застройки — дома примыкают друг к другу, образуя сплошной комплекс. Первое впечатление — это копия Петербурга. И это тоже верно, если вспомнить XIX век с его традицией крестьянского отхода на строительные работы в столицы. В селе позволяли роскошь строить, как в городе.

Дом Кокошкиных

Каменный двухэтажный особняк на углу Первомайской и Давыдовской улиц. По последнему владельцу известен как «дом Кокошкиных». Богатый декор фасадов открыт всем взглядам, внутри то, что видят немногие — удивительной красоты изразцовые печи. Сложены разноцветные печки из финского кирпича и являют собой редкие образцы модерна.

Противоположная сторона пока не блещет новизной фасадов, но даже в этом разрушении легко увидеть и воссоздать в воображении первоначальный облик этих домов. Сквозные арки красноречиво говорят о торговом назначении нижнего этажа, пример подобной архитек-

туры мы найдем и в торговых рядах Ярославля: так называемые проемы центрального рынка — это примеры типичного использования низа здания под лавки и склады.

Фасады этих домов оштукатурены и отличаются колером. Это был нарядный комплекс разноцветных зданий, мимо которых в ярмарочные дни проходили тысячи покупателей. Накладные элементы декора на некоторых домах имитируют деревянную резьбу. Специалисты утверждают, что нигде кроме Вятского такие подходы не применялись. Сейчас здесь ведется реконструкция, и пока только на плакате можно увидеть, в каком великолепии этот комплекс представит в ближайшее время.

Природный ландшафт Вятского — это тоже элемент очарования и магического влияния на приезжих. Живописен центр с его пологими, облагороженными в наше время оврагами. Берега Ухтомки, наверное, не нуждаются во вмешательстве человека. С какой бы точки ни смотрел любопытный глаз на Вятские набережные — всюду хорошо, той первозданной не причесанной красотой, которую придумать невозможно.

Набережные — отдельный элемент сельского пейзажа. Непосредственно к реке выходит Первая Набережная, за ней — чуть выше вторая. И здесь подтверждение общего правила — городской харак-

Дом Галочкина

тер застройки с домами торгово-промышленного типа. Немного «осунувшиеся и поблекшие», но хранящие былую статью дома, образуют «непрерывную фасаду». Сейчас в этой сплошной линии имеются некоторые утраты и пробелы. Но старожилы здешних мест рассказывают, что в детстве бегали по чердакам из одного конца улицы в другой, потому что все дома и своими чердачными помещениями соединились воедино. Сейчас первая Набережная пространственно замыкает центр Вятского, визуальная торговая площадь от остальных строений.

Вторая Набережная поднимается над первой как театральная де-

корация, зеркально отображая первую, и ставя заключительный аккорд в общем ансамбле.

ТОРГОВАЯ ПЛОЩАДЬ

Как и всякое уважающее себя село Вятское имеет торговую площадь. Четко ограниченное застройками пространство задает размер, а далее фантазия дорисовывает шумный базар, снующих мальчишек, пьяненьких мужичков, выгодно продавших товар, приказчиков, ударяющих по рукам. Телеги, груженные огурцами, выстраиваются в обоз, кругом палатки с пестрыми тканями, посудой, домашней утварью. Продают все: от свечного воска до конской упряжи. Это раньше, теперь никому и в голову не придет заняться здесь торговлей. Местные жители деловито

спешат по делам, туристы группами следуют за экскурсоводом, гоняют мальчишки на велосипедах. Местным уже примелькались новые фасады еще недавно бедово выглядевших зданий. Но то, что сделано буквально за одну пятилетку, просто поражает. Фактически из руин воссоздан уголок успешной России, до потрясений и смуты XX века.

Особенно это касается северо-восточного угла базарной площади, его формируют две гостиницы. Одна из них — бывшее «трактирное заведение купчихи Е. А. Глинкиной». Памятник архитектуры в начале XXI века стал комфортабельной гостиницей. Современная очень уютная обстановка, в номерах полный комплект услуг, начиная от душа, заканчивая Интернетом. Но исторический фон присутствует и здесь, в виде неожиданных, но та-

ких естественных в этом интерьере вещей. Ни в каком другом месте вы их не встретите.

Вот за поворотом стеклянная витрина. Посетитель забывает, что он приехал сюда, чтобы остановиться на ночлег: он начинает вести себя, как в музее. То застывает у старинных часов, то читает надписи на потрясающе занятых предметах, такие он видел только в кино.

Вот представительницы славного племени печатных машинок. Представить сложно, но первая модель фабрики «Ремингтон» была создана относительно недавно, в 1873 году. Знаменитый американский писатель Марк Твен был одним из первых ее покупателей. Именно на ней он отпечатал своего «Тома Сойера». Воз-

можно, это было первое классическое, сочинение, созданное за пишущей машинкой. Долгое время на них смотрели как на предмет роскоши. Теперь на знаменитые «Ремингтоны» и «Ундервуды» смотрят исключительно через стекла музейных витрин.

Ретро-телефон возвращает нам дух того времени, когда триумф первых изобретателей телефонов совпал с художественными замыслами декораторов эпохи черно-белого кино, аэропланов и огромных автомобилей с круглыми фарами — начала XX века.

Телефон — один из экспонатов гостиницы-музея. Он отличается изяществом, наверное, можно предположить, что не один, и даже не два гостя пытались по нему «установить связь со Смольным». В России первый телефонный разговор состоялся в 1879 году на линии Петербург — Малая Вишера. В конце XIX века наличие постоянной телефонной связи было немислимой роскошью, поэто-

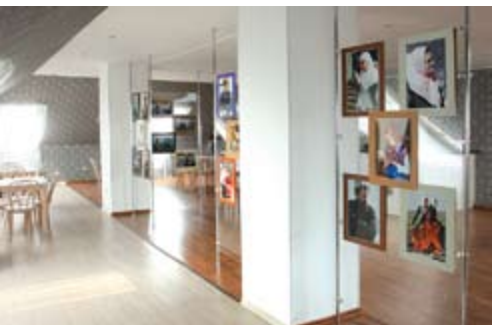

му первые телефонные линии были исключительно коммерческими. А сами телефонные аппараты с тех пор претерпели долгий путь эволюции, так что в Вятском мы встречаем предтечу современного мобильного. Как и положено прадедушке, он отличается солидностью и практичностью. Телефоны в то время, по существу, были частью мебели и устанавливались в домах в определенном месте. Для них требовался диск телефонного набора, а операторы физически соединяли абонентов. Сейчас — это даже не образец телефонной связи, а пример связи поколений.

Изящные маленькие чугунные печки даже неудобно называть «буржуйками», так прихотливо они украшены. Антикварный облик только

мешает их восприятию как работающих агрегатов. В случае чего, они могут погреть хозяев и сегодня. Хороши они и тем, что питаясь малым количеством дров, могут долго сохранять тепло.

Второй этаж гостиницы отдан под конференц-зал и галерею. Несмотря на довольно молодой возраст этого интеллектуального комплекса, здесь не раз проводились конференции и выставки, собирались ученые, богословы, художники, коллекционеры.

Напротив — другое украшение торговой площади — каменное двухэтажное здание с деревянным мезонином. Теперь это тоже гостиница. А в XIX веке здесь призревали женщин почтенного возраста на средства купца Кундышева-Володина, называлось это учреждение богадельней.

Гостиницы были открыты 20 июня 2010 года при большом стечении

жителей села и многочисленных гостей. С большим любопытством и даже с восхищением гости праздника познакомились с новым обликом села и его новым содержанием.

ем. В этой гостинице — свои сюрпризы. Прямо на входе вас встретят дорожные чемоданы и коробки, сразу вспоминается детский стишок «Дама сдавала в багаж...». Детское представление о багаже у многих именно такое.

Коллекция колокольчиков и звонков для вызова персонала тоже встречает гостей прямо на входе. Проверить их голос нельзя, зато можно оценить антикварное литье и искусство мастеров XIX века.

Аромат прошлого здесь особенно ощутим. По лестнице, застеленной ковром, опираясь на литье чугунных перил, гости поднимаются в вип-зону. Здесь расположились номера люкс. Просторные, удобные, с мягкими красками интерьера и всеми благами современной цивилизации

— эти номера, как никакие другие, располагают к спокойствию и отдыху. Многие побывавшие здесь в книге пожеланий оставляют примерно такую запись: «Мы нашли здесь нашу мечту».

Удаление от крупных промышленных центров располагает не только к отдыху, но и к концентрации на каких-то важных вопросах. Для проведения конференций, симпозиумов, творческих встреч на втором этаже комплекса устроен конференц-зал с удобными рабочими столами, мониторами, библиотекой и залом для совещаний. Есть где потренировать мастерство любителям биллиарда.

Оригинальным продолжением темы сельского отдыха вполне можно назвать ресторан, входящий в этот комплекс. Стилистика выдержана

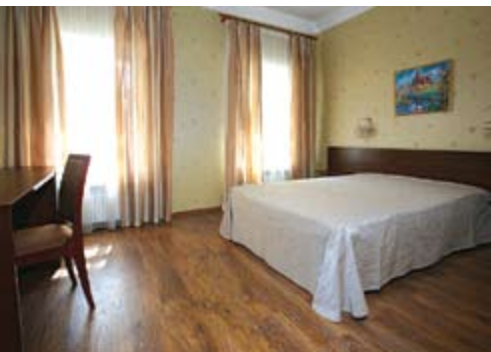

Коллекция
гостиничных
и кабинетных звонков

конец 19 в. - начало 20 в.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
А. А. АЛЕКСАНДРОВЪ СЪ С. МИ
МОСКВА,
ВЪРЯНИЕ РЯДЫ

в том же духе рубежа эпох, что и все предыдущие гостиницы. Забавные, наивные, но в чем-то и дельные плакаты рекламы начала века. По ним можно диссертации писать.

На стойке бара — знакомая нам касса, она, что называется, в прекрасном состоянии. Работает и выдает чеки, сумма, на которую ее когда-то настроили, 1 доллар. Крутится ручка, выбиваются чеки — это приводит в восторг даже взрослых солидных людей.

С удивлением отходят новички и от другой витрины, где уютно расположились кофеварки и мясорубки, всяческие кухонно-столовые агрегаты, но самое боль-

шое впечатление производят то-стеры. Почему-то принято считать, что это «чудо» пришло в нашу жизнь совсем недавно. Оказывается, и столет назад в буржуазной Европе кушали по утрам тосты с джемом. Делали так же жители Вятско-

го — это

Бывшая чайная

большой вопрос. Парадоксально другое — сегодня именно в старинном русском селе мы видим вещи, которые и в городе не найдешь днем с огнем.

Приятность здешнего обеда или вечерней неторопливой трапезы может сопровождать музыка. Расслабляющую атмосферу почти домашнего отдыха очень уместно дополняют витрины с коллекционной

посудой. Каждая — особая песня на тему красоты и вкуса. Это сервизы начала века, графины, самовары — словом, все, что напоминает гастрономическую тему в ее исторической перспективе.

Нарядное бирюзовое здание — бывшее трактирное заведение Телушкиных. Сейчас здесь также, как и раньше угощают приезжих пут-

Дом Телушкина

ников русской национальной кухни. Любопытно, что и в XIX веке, трактиров в Вятском было немало. По данным Ярославской казенной палаты в селе был оптовый склад вина, три ренских погреба, торговали также на вынос. В 1905 году в Вятском было уже семь трактиров: три трактира принадлежали Телушкиным — Александру Ивановичу, Елизавете Александровне и Александре Павловне. Словом, было заезжому человеку, где перекусить — отдохнуть. Работали в селе и четыре пивные лавки. Не многовато ли для оплота морали и нравственности, коими были во все времена старообрядцы, преобладавшие среди населения? Оказывается, жители Вятского умели и в ту пору не путать личное и общественное, и сами излишеств в спиртном не позволяли. Что называется, людей поили-кормили, а сами ни-ни.

ВДОХНОВЕНИЕ КРАСОК

Часто свою любовь, восхищение, преклонение люди выражают в музыке, создавая симфонии или оратории, романсы или вальсы. Есть и другая стихия — волшебство красок. Великим средством признания в лучших чувствах можно считать живопись. С недавних пор Вятское стало

На окраине. Худ. А. Александров

Воскресное утро. Худ. А. Александров

центром вдохновения художников. Мастера кисти собираются сюда на пленэры. Летом и зимой, осенью и весной они приезжают в живописное село за ярким солнечным днем, апрельской свежестью, морозной бодростью зимы. И сами невообразимым образом своими полотнами преобразуют эти места, переосмысливая их художественный потенциал. Среди исторических мест Ярославии найдется немало очаровательных уголков, «пристрелянных» живописцами. По берегу Волги раскинулись города со славой вдохновителей Левитана, Кустодиева, Саврасова. Вятское еще только становится в этот ряд. Экспрессией масла и легкостью акварели мастера уже прославили это село. Художники, открывшие для себя эти просторы, знают цену неброскому обаянию среднерусского

пейзажа. Одним из первых «открыл» Вятское Николай Мухин. Его картины занимают почетное место среди ярославских мастеров, воспевавших Вятское. Картины-посвящения можно увидеть на выставке и в гостинице, в ресторане и в конференц-зале...

Весна. Худ. О. Рожков

Генеральный директор историко-культурного комплекса «Вятское» Е. Анкудинова

И что удивительно, они органичны и уместны везде, где есть зритель, публика, гости села. Новый туристский маршрут, новый и весьма привлекательный ярославский бренд, историко-культурный комплекс Вятское — еще и художественный об-раз. Образ трудолюбивой и свободной России, с ее скромной природой и совершенно нескромными возможностями и перспективами. Понять все это и почувствовать можно только здесь. А поэтому: **«Добро пожаловать в Вятское!»**

*Весенний день.
Худ. О. Рожков*

Режим работы музея с 11.00 до 19.00

Выходной день — понедельник

Последняя среда каждого месяца — бесплатное посещение музея для детей до 18-лет.

В рамках экскурсионных программ организовано посещение постоянно действующей художественной галереи, церкви Воскресения Христова, часовни-купели и скульптурной группы Божией Матери «Живоносный источник», памятника Императору-Освободителю Александру II, Успенской старообрядческой церкви в селе Елохино.

Контактные тел.: (4852) 72-66-91, 72-59-90

Гостиница — Советская ул., 8 и 13

Тел./факс (48531) 64-418. Ресторан: (48531) 64-487

ecolline@yandex.ru

www.vyatskoe.yar.ru

Автор *М. Смарагдова*

Дизайнер *М. Бороздинский*

Фотограф *Ю. Галыбин*

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

000 Издательский дом «Ярослав Мудрый»

150047 Ярославль, ул. Лермонтова, 44а, 18

Тел.: (4852) 90-23-51. E-mail: smaragd1963@yandex.ru

Подписано к печати **09.02.2010**. Формат 84 x 108/32. Бумага мелованая.
Гарнитура OfficinaSansC. Печать офсетная. Усл. печ. л. **5,88**. Тираж

Отпечатано в ОАО «Специализированная полиграфическая компания»
Ярославль, ул. Лисицына, 5, оф. 118. Тел./факс (4852) 45-71-74
E-mail: spc@mail.yar.ru